

Елизавета Дворецкая

ВЕСНА НЕЗНАЕМАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ. ЗИМНИЙ ЗВЕРЬ

Князя леса

Елизавета Дворецкая

**Весна неизвестная.
Книга 1: Зимний зверь**

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Весна незнаемая. Книга 1: Зимний зверь / Е. А. Дворецкая — «Автор», — (Князья леса)

Разбилась Чаша Годового Круга, и осколки рассыпались по земному и небесному мирам. Если не собрать ее вновь, весна больше никогда не вернется в городок Прямичев. Громобой, которого кличут сыном Перуна, вдруг обнаруживает, что стал для людей последней надеждой. Кому, как не ему, сразиться с Зимним Волком, что пытается поглотить солнце? Вот только этого мало, ведь корни беды, проросшей на земле, скрываются в мире богов. Именно туда и должен отправиться Громобой, чтобы вернуть весну истосковавшимся по ней людям.

© Дворецкая Е. А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елизавета Дворецкая

Зимний зверь

*Как мирила нас зима железом и льдом,
Замирила, а сама обернулась весной.
Как пойдет таять снег – ох, что будет потом!
А как тронется лед – ох, что будет со мной!*

Борис Гребенищikov

Глава 1

Первым утром нового года¹ Веселка проснулась раньше всех в доме, а может быть, и во всем городе Прямичеве. В просторной избе купца Хоровита было тихо: от подполья, где выливал мисочки домово́й, до холодных, заваленных сеном повалуш нигде не раздавалось ни голоса, ни шороха. Домочадцы спали, утомленные вчерашним празднеством, посапывали на полатах и на лавках девять младших Хоровитовых детей. Восемилетняя Волошка спала с зажатым в кулаке недоеденным печеньем – масляную головку у новогодней коровки она отгрызла вчера, а задняя часть осталась. Для воробьев.

Веселка выползла из-под овчинного одеяла, сунула ноги в короткие сапожки. Печка давно погасла, изба простыла за ночь, было зябко, но Веселка прямо в рубахе шагнула к окну и нетерпеливо сдвинула заслонку. В щель пролился яркий дневной свет, потянуло свежим, бодрящим холодком. Не так уж часто зимой случается проспать до света, и этот день, пришедший как бы без утомительно долгого и хмурого зимнего рассвета, казался чудом, подарком богов. Веселка заторопилась одеваться. Ее вышитые праздничные рубахи, которые вчера покидала на лавку кое-как, лежали беспорядочным ворохом белой ткани, красной вышивки, пестрой плетеной тесьмы. Венчик, обшитый разноцветными стеклянными бусинами, завалился и вовсе под лавку, ленты помялись. Веселка тихо смеялась про себя, копаясь в ворохе одежды, поднимая одну рубаху за вывороченный рукав, другую за подол, – вот поди пойми, где тут верх, где низ! «Неудобно штаны через голову надевать» – почему-то вспомнилась поговорка, и Веселка фыркнула, не в силах сдержать смех. Даже эта утренняя путаница веселила ее, и одновременно томило нетерпение скорее разобраться и вырваться на улицу, к свету и свежему воздуху. Это совсем не та улица, что была вчера – ведь пришел новый год! Казалось, за дверью избы ее ждет какое-то новое, небывалое счастье, и Веселка торопилась скорее встретиться с ним. И что за важность, если ленты помялись: мать не видит, а для прочих и так сойдет! Веселка была не самой опрятной девушкой в Прямичеве, но ее хорошему настроению, задору и веселью, а значит, и успехам это ничуть не мешало.

По всему дому были рассеяны следы вчерашнего празднования: остатки угощений, шкуры и берестяные раскрашенные личины, Волошкина трещотка, деревянные копы и щиты маленьких братьев. Веселка ничуть не удивилась бы, если бы среди праздничного беспорядка на лавке (или под лавкой) у дверей, где вчера горой были навалены соседские шубы и кожухи, сейчас обнаружился бы похрапывающий Прамень-косторез или Вьюга, Нахмуров сын. Вчера посад так хорошо погулял, что многие, уж верно, смотрели новогодние вещие сны не дома, а там, где привелось упасть. А уж в доме богатого купца не было недостатка ни в угощении, ни в пиве, ни в меду, ни в браге.

---

¹ В конце книги имеется Пояснительный словарь и Указатель имен и названий (персонажи, события и т. д.).

На столе и сейчас еще стояла неубранная посуда. Распустив косу и дергая гребнем густые светло-русые пряди, Веселка совала в рот то огрызок пряника, то ложку холодной каши – хорошо, ничего искать не надо, все на столе! Заплетя косу и умывшись, Веселка набросила платок, полушубок и, подпоясываясь на ходу, устремила наружу – так хотелось ей скорее впустить новый год.

Отворив дверь из сеней во двор, она немножко постояла на пороге, с радостью вдыхая воздух чудесного дня – ослепительного и свежего. Новогодняя ночь отрезала, навсегда оставила позади и хмурый месяц студен, и тоску по умирающему солнцу. Пройдя через эту священную ночь, как само солнце проходит под землей, мир вынырнул в новый светлый день, омытый и обновленный, и все в нем было пронизано тем самым ликованием и счастьем, которые проснулись в душе Веселки этим утром.

За остаток ночи успел пройти снег, и Веселка, не заставшая снегопада, ахнула от восторга. Вся прошлогодняя земная грязь: пятна золы и навоза, многочисленные перепутанные следы, щепки, осколки глиняных горшков, клочки сена, ветки и палки, – все исчезло, землю покрыл пушистый, ослепительно белый снег, и новое солнце бросало в него неисчислимы звезды. В сугробах играли красные, зеленые, синие, огненные искры, как напоминание о летней росе. До конца зимы оставалось еще три долгих месяца,² но самое темное, самое тяжелое время года было позади, и дышалось легко: казалось, что и сама новая весна уже где-то рядом, рукой подать.

Ворота были не заперты и тоже, казалось, дремали. Сколько же раз им вчера пришлось отвориться, впуская гостей! Всю эту ночь на улицах было шумно и оживленно: ходили волхвы из Перунова святилища на горе и из Велесова святилища над Ветляной, за ними толпами валил народ. Соседи ходили к соседям, родичи к родичам, друзья к друзьям и даже недруги к недругам; стайками воробьев бегали дети, кто с пирогом, кто с пряником в руке. Все это кричало, пело, угощало и угощалось; на углах улиц горели костры, знаменуя возрожденное яркое солнце, молодежь водила хороводы и затевала игры. И теперь даже сами крыши домов и серые тыны казались утомленными этим неистовым весельем.

Осторожно ставя ноги на снег – жаль мять такую красоту, вот бы поверху перелететь как-нибудь! – Веселка пробралась за ворота и оказалась на улице. Двор Хоровита стоял на окраине прямичевского посада, возле вымола на берегу Ветляны, где летом приставали ладьи, а сейчас виднелись десятки распряженных саней. На улице еще было пусто, и только один человек попался на глаза Веселке. Не она одна так рано поднялась! Но тут же она узнала встречного и фыркнула, в досаде даже прикрыв лицо варежкой. Ах, вовсе не Беляя хотела она увидеть, глядя в сторону Кузнечного конца!

Но ради Нового года Веселка скрыла разочарование и, сама себе состроив досадливо-смешную рожу, тут же улыбнулась встречному. Беляй, рассудительный парень из Кузнечного конца, вовсю торопился к ней, и его круглое румяное лицо, украшенное широкой улыбкой, сейчас удивительно походило на праздничный блин. Заметив это, Веселка расхохоталась и не сразу сумела справиться со смехом, чтобы ответить на приветствие.

– Здравствуй, боярышня светлая! – Не понимая, чем успел так ее насмешить, Беляй остановился в двух шагах, поклонился и даже снял шапку. Вид у него был смущенный, но довольный: к Веселке-то он и направлялся и теперь был рад, что она не успела никуда ускользнуть. – Чтобы ты и в новом году была так хороша, так разумна и прилежна, так станом стройна, лицом бела и румяна...

Затихшая было Веселка фыркнула снова. Беляй давно завел привычку звать ее боярышней, и если поначалу это ее смешило, то потом стало вызывать досаду. Вот ведь заладил – нет бы

---

² Зима была самым долгим сезоном древнеславянского календаря и включала пять с половиной месяцев: с середины октября по весеннее равноденствие 25 марта.

чего-нибудь новенькое придумать! Нарочито почтительное обращение Беляя так не вязалось с ее открытым, задорным нравом, что казалось нелепым и неуместным, и она не понимала, как Беляй этого не понимает. И говорит-то он всегда так обстоятельно и долго, а ей трудно было выстоять на одном месте, пока он кончит свою «величальную песню». И хвалит-то он ее всегда не за то, что у нее есть на самом деле: ни особым разумом, ни домовитостью и прилежанием старшая дочь Хоровита не отличалась.

– Да ладно тебе глупости болтать! – Веселка махнула рукой, не дослушав по всем правилам построенное поздравление. – Вот заладил с утра! Колядок мы вчера наслушались, до сих пор в ушах звенит. Или тебе пирожка не хватило? погоди, я тебе вынесу потом. Чего ты так рано поднялся-то? Раньше всех? Или... Где медведюшка-батюшка? Не видел его сегодня? Спит еще?

Беляй пожал плечами. На губах его виднелась та же праздничная улыбка, но серые глаза похолодели. Веселка ядовито сощурилась: даже и обидеться толком не может! Напрасно она дразнила его разговорами о другом – Беляй делал вид, что ни о какой ревности и не слыхал.

Ты медведюшка мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку,
Ты не тронь мою коровушку,
Не губи мою головушку... —

поддразнивая, стала напевать Веселка, приплясывая на снегу. При этом она лукаво поглядывала на Беляя, но мыслями была опять в прошедшей ночи – когда играли в «медведя». Рослый «медведь», одетый в настоящую косматую шкуру, с жутким ревом бегал по пустырю, где сходились Велесова улица и Кузнечный конец, ловя визжащих девушек. Сверкали на снегу отблески костра, бревна тынов в темноте казались дремучим лесом; орали стоящие кругом парни, гремели трещотками, и было жутко, как будто все взаправду. Веселке было жарко, точно праздничный огонь горел внутри нее, она бегала со всеми и визжала не только от веселья, но и от ужаса перед древним обрядом жертвоприношения...

И сейчас еще захватывало дух, когда вспоминалось, как «медведь» поймал ее, как она рвалась изо всех сил, но не могла вырваться из его цепких и крепких, как железо, косматых лап... Как он оторвал ее от земли и она била ногами в воздухе, визжа до хрипоты; как он бросил ее в сугроб и навалился на нее так, что она и вправду испугалась, что задавит. В лицо ей сыпалась холодная снежная пыль, а потом «медведь» откинул с головы звериную личину и стал ее целовать, и от него веяло таким жаром, что сам сугроб, казалось, должен был растопиться. И она уже не понимала, на каком она свете, и будто бы не пустырь на углу был вокруг нее, а Велесово подземелье с огненной рекой, и не Громобой, сын кузнечного старосты Вестима, обнимал ее, а сам древний бог-зверь, ежегодно приходящий за жертвой... Кровь кипела, сердце выскакивало из груди, дух замирал от восторга и ужаса...

Вежливый и скучноватый Беляй был рядом с этими воспоминаниями бледен, как ночной светлячок рядом с солнцем. Да вот беда: богиня Лада заставляет любить, не задумываясь, есть ли надежда на взаимность. Веселка была, конечно, не для Беляя, и не нужен он был ей, когда все прямичевские парни, не исключая и княжеских кметей, так и вились вокруг нее.

На первый взгляд казалось, что ничего в ней особенного нет, но в Прямичеве Веселка считалась красавицей. Хотя мягким и простым чертам ее лица до настоящей красоты многого не хватало: четкости, глубины. А еще ей не хватало ума. Веселку никто не назвал бы глупой, но она никогда не давала себе труда думать. Жизнь для нее была проста, лежала впереди широкой прямой дорогой, не требующей никаких раздумий. Она редко бросала взгляд дальше сегодняшнего дня: каждый ее день был так же полон и увлекателен, как у иного целая жизнь. Ее белое лицо, почти без румянца, только с легкой розовой тенью на щеках, всегда было

открыто и ясно, и при взгляде на него возникало ощущение почти младенческой нежности и чистоты. Ее светло-серые, с голубоватым отливом глаза искрились весельем из-под пушистых, светлых, едва заметных бровей, а губы были яркими, как спелый шиповник. Красива была и коса, светло-русая, гладкая и длинная, с легким золотистым отливом, а на висках и на шее вились мягкие приятные кудряшки.

Но рассмотреть всю эту прелесть было трудно, так как Веселка всегда была в движении: лицо играет, глаза стреляют по сторонам, даже коса мечется от плеча к плечу. Все вокруг ее занимало, и она постоянно, даже разговаривая с кем-нибудь, вертела головой по сторонам, как птичка. Нравом она была легка, уживчива, приветлива, но не горяча сердцем и не привязчива: ее дружелюбие как бы скользило по людям, никого не выделяя, а взгляд искал не кого бы приласкать, а чем бы позабавиться. Беляй, в общем-то, был отличным женихом: неглупым, честным и трудолюбивым. Но все эти качества имеют цену только в долгой жизни, а для Веселки, занятой сегодняшним днем, они ничего не значили. Она не была обеспокоена, как всякая девушка, поиском среди парней единственного суженого, а болтала и смеялась с любимым, с кем ей только не было скучно.

Если кто-то и занимал ее больше других, то только Громобой из Кузнечного конца. Громобой был, безусловно, самым сильным парнем Прямычева: никто никогда еще не одолевал его в кулачных боях Медвежьего велика дня, и своей силой он славился далеко за пределами Прямычева. Всякой девушке было бы лестно поймать такого сокола, но Громобой, хотя ему и сравнялось уже целых двадцать пять лет, не собирался жениться и обращал на Веселку мало внимания. Может быть, его равнодушие и привлекало ее; отец и мать сокрушались, видя, что их дочку, самую красивую в посаде, не так-то легко будет выдать замуж. Но Веселка только отмахивалась от уговоров и призывов быть поразумнее: судьба придет – за печкой найдет, судьбу и пешком не обойти, и конем не объехать.

Посад понемногу просыпался, от дерновых и тесовых крыш потянулся вверх целый лес густых, спокойных в безветрии дымовых столбов. Скрипели ворота, где-то стучал топор, повизгивал свежий снег под ногами, отовсюду долетали веселые голоса, приветствия, поздравления. Разговаривая с Беляем, Веселка то и дело отвлекалась, чтобы поклониться кому-нибудь из проходящих мимо, а сама все постреливала глазами в Кузнечный конец. С того места, где она стояла, он был виден насквозь, видны были и яркие ворота Вестимова двора, покрытые резьбой и раскрашенные красным и синим. Створки были закрыты, и их неподвижность томила Веселку, и она нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Пока Громобой не появится, новый год для нее не придет по-настоящему.

– Ну, кланяйся своим от меня! – Она махнула Беляю рукой и пошла по улице, но он будто не заметил, что с ним попрощались, и двинулся следом.

– А у нас еще что вчера было! – торопливо начал он, будто только что вспомнил: вот сейчас расскажет и сразу уйдет. – Ты обсмеешься! Иду я вчера от Овсеня, еще Солома был и Миловид с нами...

– Стой! – Веселка вдруг взмахнула рукой, будто отгоняя комара, и Беляй послушно замолчал.

Наверху, в небе, творилось что-то невероятное. Уже некоторое время, рассеянно слушая Беляя, Веселка посматривала вверх, но не верила глазам: казалось, дым из-за ближайшего тына застилает взор... Но нет! Воздух вдруг потемнел, ослепительное сияние снега погасло, как будто чья-то злая рука украли первый день года и сразу бросила мир в глубину вечерних сумерек. Белье облака стали густо-серыми, словно барашки вдруг обернулись волками. По улице вниз с горы хлынул стылый, резкий ветер, дернул подол, холодом прогладил щеку, точно плоской стороной железного ножа. По белому снегу под ногами побежали волнистые серые тени, замелькали вокруг людей, точно навьи.

Люди на улице и у ворот прерывали разговоры и поздравления, смотрели вверх, охали, вскрикивали. Что-то черное, как пустота глубокого колодца, надвигалось на солнце и заслоняло его собой прямо на глазах очолевших от ужаса прямичевцев. Темнота стремительно летела вниз, как губительная сеть, опутывая белый свет. В хлевах замычали коровы, заржали лошади, собаки по всем улицам подняли жуткий и жалобный вой. Небо, только что бледно-голубое и ровное, миг стало темным и неоглядно глубоким, каким не бывает оно ни днем, ни ночью, когда взгляду препятствуют то свет, то тьма. Сейчас оно раскрылось на страшную глубину, и оттуда, как хозяева, потревоженные внезапным вторжением в жилище, остро выглянули недовольные холодные звезды.

К ногам Веселки упала и закопошилась в снегу серая ворона, беспомощно распластав черные крылья. Но Веселка даже не глянула на нее; прижимая стиснутые руки к груди, она заворуженно смотрела вверх и не могла вздохнуть от ужаса. Черный круг сожрал уже половину солнечного лика, и от новорожденного ягненка-Хорса остался только ущербный рог, пылающий багряным режущим светом. Облака вокруг солнца сначала окрасились красным, словно кровь, потом налились огнем, так что невольно хотелось пригнуться, закрыть голову руками в ожидании, что сейчас на землю прольется огненный дождь. Черная пасть тьмы все глубже заглатывала Хорса, от него оставалось так мало, что тьма вокруг стала плотной, зеленоватой, как глубокая вода. И, как вода, она душила.

– Зи... Зимний Зверь! – с трудом одолев судорогу в горле, прошептала Веселка. Звук собственного голоса, даже такого, помог ей опомниться. С трудом сглотнув, она пыталась крикнуть, досадуя на свою беспомощность и изо всех сил стараясь ее одолеть: – Люди! Это Зимний Зверь! Гоните его, пока все не съел! Гоните его! Гоните!

С усилием сдвинув увязшие в снегу непослушные ноги, Веселка шагнула к ближайшему тыну, сорвала с кола большую пивную корчагу, вымытую после вчерашнего пиршества, и обеими руками грохнула ее об тын. Корчага с треском разбилась, тяжелые глиняные осколки посыпались в снег и пропали. Но люди вокруг опомнились и поняли, что нужно делать. Всхлипы сменились криками; прямичевцы кинулись по дворам, каждый хватал первое, что попадалось под руку, лишь бы могло греметь: поленья, железные сковороды, песты, котлы, трещотки и рожки, оставшиеся от вчерашнего веселья. Сосед Прамень молотил коромыслом по брошенным в снег пустым ведрам, в раскрытых воротах гроыхало перевернутое свиное корыто. Тетка Угляна возле своих ворот держала в одной руке железную сковороду для праздничных блинов, а в другой – деревянную ручку-хваталку от этой же сковороды и молотила одним о другое, зажмурив от страха глаза и изредка взвизгивая.

По улице промчался рослый рыжеволосый парень в наброшенном на одно плечо кожухе, и ненадетый рукав летел за его спиной, поматываясь, суматошно слясь поспеть. Веселка заметила парня краем глаза, и вид его прибавил ей сил, как будто его присутствие обеспечивало скорую победу. Одолев ужас, помня только, что для победы надо побольше шуметь, она металась по улице и колотила чьим-то расписным коромыслом по тынам и воротам, по горшкам, вывешенным на кольях на просушку, кричала во все горло, словно силилась разорвать пути тьмы, павшие на землю.

Громобой скрылся в воротах Вестимова двора, и через несколько мгновений из-за тына полетели звонкие тяжелые удары молота по наковальне. Ему ответили другие; молоты и молоточки многочисленных прямичевских кузнецов били по наковальням, по неоконченным заготовкам, по крикам, приготовленным для будущей работы.

– Гоните его! Гоните! – вразной кричали прямичевцы и шумом гнали прочь злого зимнего духа, раскрывшего пасть на новорожденного солнечного ягненка.

С горы, где стоял прямичевский детинец, долетел гулкий, протяжный удар, похожий на голос грома, скатился и рассыпался по улочкам и дворам посада, потом еще один и еще. Это Зней, волхв Перунова святилища, бил молотом о священный камень-жертвенник. Посадские

жители оборачивались к детинцу, на их лицах проступали облегчение и надежда, как если бы они слышали приближение самого Перуна.

И уstraшенный Волк разжал зубы; тьма ненадолго замерла, а потом стала редеть. Потухли облака, так и не пролив на землю огненный дождь, солнечный ягненок покотился из пасти тьмы назад, на волю. Небо посерело, потом снова стало голубым, а Зимний Зверь побледнел и растаял. Звезды спрятались в своих глубинах, тени метнулись по углам и забились в щели. Крики ярости и страха сменились радостными, ликующими.

– Слава тебе, Хорсе пресветлый! Слава! Чуры нас спасли! Солнышко наше трисветлое! Солнышко! – десятками густых и звонких голосов кричала вся улица, и люди со слезами радости на глазах кланялись солнцу, спасенному их собственными усилиями.

Побросав палки и прочее, прямичевцы утирали слезы, смеялись и обнимались. Из толпы потрясенно кричащих и плачущих женщин выбралась Веселка. Платок с ее головы сбился на спину, коса растрепалась, по щекам текли слезы, и она на ходу смахивала их то ладонью, то тыльной стороной руки. Потрясение еще не схлынуло, от ужаса и возбуждения ее била дрожь, глаза плакали, а рот сам собой смеялся. Было чувство, что сама она только что избежала гибели, что это за ней приходил Зимний Зверь, на нее раскрывал свою черную жадную пасть...

Она шла по улице, ничего перед собой не видя, и остановилась только тогда, когда уперлась в кого-то большого и теплого. Чьи-то руки взяли ее за плечи и слегка встряхнули. Слегка – это для обладателя рук, а для Веселки сотрясение получилось весьма внушительным. Она подняла голову: перед ней стоял тот рыжий парень, что промчался по улице, как ураган, и так вовремя спугнул Зимнего Зверя ударами кузнечного молота. И полушубок по-прежнему был на нем надет только одним рукавом, а второй болтался за спиной.

– Громобой! – Веселка вцепилась обеими руками в вышитую рубаху у него на груди. – Ты видел? Видел? Это же такое? Я чуть с ума не сошла!

– Да куда тебе сходить – ума-то у тебя отродясь не бывало! – низким, глубоким и грубовато-насмешливым голосом утешил ее парень. – Ревешь-то чего? Раньше надо было реветь, а теперь поздно! Убежал волчонок!

– Убежал! Гнали, вот и убежал! – Веселка обиженно вытерла глаза кулаком. Вид Громобоя вызвал в ней разом и облегчение, и досаду. – Ты бы спал подольше – он бы нас всех съел.

– Ну, меня-то не съел бы!

– Тебя-то конечно! Об тебя-то зубы обломаешь... Пусти! – Веселка рванулась. – Медведь рыжий!

– Рева-корова! – усмехаясь, Громобой выпустил ее, и она отскочила от него на пару шагов. – Зимний Зверь-то, может, за тобой и приходил. Ради твоей красоты ненаглядной!

– Да уж конечно не на тебя любоваться! – задиристо ответила Веселка. – Да ты посмотри, как ты вырядился-то! – ахнула она вдруг и дернула его за распахнутый ворот рубахи. – Одежда-то шиворот-навыворот! Ох, быть тебе битым!

Громобой посмотрел на себя: вышитая праздничная рубаха и правда была на нем надета наизнанку. Веселка захохотала над его удивленным лицом, потом сама себя перебила:

– Стой, а ты откуда бежал-то? Ты ведь не дома ночевал! А где же тебя лешие свалили? Под тыном где-нибудь? Не замерз, медведюшко-батюшка? Или тебя там пригрел кто-нибудь?

– А тебе-то что? – Громобой глянул на нее и ухмыльнулся. – Уж тебя-то я не спрошу, где мне ночевать!

– Ну и иди себе! – нахмурившись, в досаде крикнула Веселка. – Иди, чего встал? Я тебя видеть не хочу!

Громобой повел плечом: дескать, не хочешь – не надо, я и не навязываюсь. Повернувшись, он пошел куда-то вдоль улицы. Веселка блестящими от гнева глазами смотрела ему вслед; румянец ее разгорелся ярче, нежность в лице сменилась досадой, что совсем не шло к ее мягким чертам. Она смотрела на удаляющуюся спину Громобоя, на рукав полушубка, смешно

болтающийся сзади: почему-то все полушубки на нем выглядели так, будто они ему малы. А все двери перед ним казались узкими, кровли – низкими, дома – тесными.

Плохо начался новый год! И Зимний Зверь напал, и с Громобоем опять поругалась! Последнее было даже хуже. Он не оглядывался, и Веселку мучило горячее досадливое чувство, будто она держала в руках что-то дорогое и важное, но упустила, опять упустила! Громобой не давался ей, ее улыбки и задорные взгляды отскакивали от него, как от каменной горы. Иные встречи кончались ссорой, как сейчас, на пустом месте, Веселка злилась на него, потому что знала: если сегодня к вечеру он не забудет о ссоре – он-то не придавал им особого значения – и не придет, то сама она пойдет к нему, делая вид, что все забыла.

А не ходить к нему у нее не было сил. День казался потерянним и все забавы были не в радость, если ей не удавалось его увидеть, перекинуться словом. Перед ее мысленным взором и сейчас стояло его лицо: круглое, скуластое, широкий выпуклый лоб, полуприкрытый густыми рыжими кудрями, небольшие серые глаза, прямой короткий нос, на котором даже зимой густо пестрели веснушки. Никто не сказал бы, что он красавец, но все в нем дышало силой, спокойной, неторопливой и уверенной. Весь он был полон мощи, которая только ждет случая, чтобы вырваться наружу, и тогда ничто на свете не сможет ему противостоять! Не прилагая к этому никаких усилий и даже не думая об этом, Громобой завораживал Веселку, и ничья пылкая любовь не привлекала ее больше, чем его небрежное, снисходительное дружелюбие. Наверное, это потому, что он – сын Перуна... Все об этом знают... И Веселка верила, что так оно и есть.

Весь Прямичев знал, что Громобой не был родным сыном старосты кузнецов Вестима и его жены Ракиты. Наравне с кошунами о битвах Перуна и Велеса старики рассказывали детям, как Вестим, тогда еще не староста, его нашел. Давным-давно, еще при прежнем князе Молне-славе, однажды в самый Перунов день над землей дремичей разразилась страшная гроза. Все небо было в густо-серых тучах, дождь лил сплошной стеной, и деревья сквозь него едва виднелись, как в тумане. Воздух потемнел, в преждевременных сумерках при каждом ударе молнии весь небосклон озарялся трепетной бело-золотистой вспышкой, и дождь припускал еще быстрее и гуще, словно подгоняемый ударами огненного бича. Все живое дрожало, кровли домов уже не казались надежным укрытием, звериный слепой ужас толкал бежать куда-то наперегонки с дождем, бежать, разбрызгивая воду из-под ног и крича от страха. Вслед за каждой пламенной вспышкой вверху раздавался треск, словно могучие руки Перуна рвут облачную пелену, и думалось, что вот-вот в небе покажется разрыв.

Копыта Перунова коня гремели над сводом Среднего Неба, и казалось, что удары невиданной мощи вот-вот разобьют хрупкий свод и он голубыми обломками повалится вниз. Объятый смертельным ужасом Змей метался между землей и небом, прикидывался то тучей, то горой, бросался в любую нору, в древесную щелку, в воду, но Небесный Воин одну за другой метал огненные стрелы в своего вечного врага, находя его повсюду. Чтобы не дать случайного прибежища Змею, во всех домах опрокидывали бадейки и горшки, девушки обматывали головы платками, пряча волосы. Собаки жутко выли, люди невольно втягивали головы в плечи и шептали «чур меня!».

Ослепительно-ярко вспыхнула молния, бело-желтоватая огненная волна мгновенно затопила небо, повисло ужасающее, давящее мгновение тишины – и грянул удар, точно небо раскололось над крышами. И, как видно, попал в цель: Битва Богов отгремела, Перун спрятал свои огненные стрелы, но дождь лил до самого вечера, пригибая к земле ветви берез и густо разбрызгивая водяную пыль от земли.

Во время бури народ натерпелся страху, а разговоров потом было еще больше. Поломало много деревьев, один старый тополь обрушило на крышу рыбацкой избушки над Ветляной, так что старика и девочку-подростка придавило насмерть. Рассказывали даже, что одного мужика

пронесло-де по воздуху версты три и посадило на крышу княжеского терема, но это, пожалуй, были байки.

А Вестимова жена Ракита на другое утро послала мужа в лес искать громобой – дерево, в которое попала молния. Щепки от громобоя издавна известны как надежный оберег от молний, поскольку Перун не бьет дважды в одно место, и Ракита хотела впредь быть уверенной, что ее крыше не грозят огненные стрелы Небесного Воина.

После вчерашнего ливня в лесу было сыро, деревья стояли понурые, из зарослей и ото мхов тянуло задержавшимся запахом грозы, смешанным с прелью. Поршни Вестима скоро намокли, рубаха на спине и на плечах напиталась влагой, холодные капли градом сыпались с ветвей. Оглядываясь, он выискивал расколотое дерево: не может быть, чтобы среди множества молний, вчера сыпавшихся на лес, ни одна не попала в какой-нибудь высокий ствол. Особенно памятна ему была последняя, и при мысли о ней у Вестима по спине бежали мурашки: уж, верно, эта Перунова стрела, попавшая наконец в Змея-Велеса, расколола землю до самых глубоких подземелий. Так и жди, что где-нибудь вдруг откроется черный бездонный провал с багровым пламенем внизу... Как там... «Огни горят палючие, котлы кипят горячие...» Что-то такое жуткое там творится, и Вестим гнал от себя мысли о Велесовом подземелье.

Заприметив на пригорке дубраву, Вестим повернул туда. В дубраве идти было легче, мокрая мелкая травка не мешала. Довольно скоро Вестим вышел на поляну. Прямо посередине ее стоял огромный старый дуб, молнией разбитый прямо пополам, но не сгоревший. Когда-то он был могуч и возвышался над всей дубравой, но теперь, как с такими и бывает, поплатился за свое выдающееся гордое величие. Обхватить его ствол смогли бы человек восемь, как издали прикинул Вестим, и даже вообразил, как сам стоит в таком хороводе, держа за руки Овсеня, Праменя, Пригожу, Бежату и еще кого-то из соседей. Сейчас обломанная мокрая вершина лежала на земле позади ствола, а длинная, угольно-черная трещина опускалась почти до земли. «Дождем загасило!» – отметил Вестим, довольный, что ходил не напрасно, и направился к дубу, на ходу вынимая из-за пояса топор. Отколоть пару щепок из сердцевины – и домой. Ракита будет рада...

Но вдруг сквозь шорох собственных шагов ему послышался странный, совсем не уместный в лесу звук. Вестим остановился посреди поляны, прислушался к тишине. Сквозь шелест листвы и неравномерное пощелкивание крупных капель был слышен детский плач. Послушав несколько мгновений, Вестим крепко потер ладонями уши, потом опустил руки и снова прислушался. Плач доносился с той стороны, куда он шел.

По спине побежала дрожь, Вестиму стало так зябко, что он обхватил себя за плечи и одновременно прикрыл грудь топором. В душе страх мешался с недоумением. Откуда здесь ребенок? Леший морочит! Мары заманивают! Чур меня! Сразу лес вокруг показался враждебным и угрожающим, тем более что по пути сюда Вестим ничего такого не ждал: вчерашняя битва Перуна с Велесом всю мелкую лесную нечисть заставила попрятаться под коряги. Но вот ведь он, младенческий плач, до того похожий на настоящий, что вспомнились родинные трапезы, которые дней десять назад справлял один из соседей-кузнецов, Бежата. Он звучал не жалобно, а скорее требовательно. Вестим колебался: благоразумие толкало бежать прочь, а любопытство тянуло посмотреть получше. Топор в руке придавал уверенности. И Вестим снова шагнул к дубу.

Сначала казалось, что плач раздается из-за дерева, но, обойдя едва половину огромного ствола, Вестим уже слышал плач позади. «Леший таки морочит!» – с досадой подумал было он, но вдруг осознал, что плач идет изнутри разбитого ствола.

Придерживая топор под локтем и ухватившись за шершавый, в крупных замшелых трещинах ствол, Вестим встал на выступ корня. Запаха гари, как ни странно, совсем не ощущалось, в нос ему бил крепкий, горьковатый запах дубовой коры. Прижимаясь к дереву и стараясь не соскользнуть с мокрого корня, Вестим заглянул в развилку.

Там, в этой странной лесной колыбели, вырубленной топором самого бога-громовика, лежал младенец. Это был мальчик, крепкий и крупный, трех-четырёх месяцев от роду, вроде того, что Вестим недавно видел у Бежаты. И еще завидовал, потому что своих детей им с Ракитой Мать Макошь пока не посылала. Теперь младенец уже не плакал, а только тарашил на Вестима голубые глазенки. И этот взгляд, устремленный прямо на него, так потряс Вестима, что руки у него сами собой разжались, и кузнец соскользнул на мокрую траву.

Поднялся Вестим не сразу. Он не ушибся, и лежать на мокрой земле было холодно, но он тянул время: что теперь делать? Что за младенец? Мары украли? Лесовуха родила? Ни медвежьих ушек, какие бывают у таких вот лесных младенцев, ни хвостика, ни волчьей шерстки Вестим не заметил – обыкновенный человеческий младенец, розовый, с рыжеватым пушком на головке.

Собравшись с духом, Вестим снова заглянул в развилку. Младенец помахивал над собой ручками и что-то бормотал. Он, казалось, совсем успокоился и был уверен, что его судьба устроилась. Хотя что он, в три месяца, может понимать? Чем больше Вестим смотрел на мальчика, тем больше он ему нравился. Возникло ощущение подарка, счастливой находки. Боги послали ему сына, которого он уже десять лет безуспешно вымаливал. Уже ему было трудно оторвать глаза от мальчика, душа тянулась к нему и согревалась, даже ноги стояли на земле как-то прочнее. Вся жизнь разом переменялась, Вестим ощущал себя разбогатевшим. И мальчик уже казался не младенцем, а каким-то большим, сильным, добрым существом, подмогой на всю жизнь и опорой в старости. Не все же нечисти бояться, бывают на свете и добрые чудеса.

Когда Вестим явился из леса, вместо щепок неся завернутого в верхнюю рубаху младенца, посмотреть на это сбежался чуть ли не весь прямичевский посад, а потом и детинец. Все охали, ахали, робкие разглядывали издалека, смелые тянулись потрогать, но Вестим никому не позволял. Одни говорили, что это счастье, другие предостерегали, что лесная нечисть в доме до добра не доведет. Чуть позже пришел волхв из Перунова святилища. Осмотрев младенца, он разрешил затаившему дыхание Вестиму его оставить, не учуяв в нем никаких признаков нечистого духа. В тот же день Вестим отнес мальчика к Ветляне, принес реке жертвы хлебом и медом, окропил ребенка водой и назвал его Громобоем. Женщины Кузнечного конца натащили Раките всяких пожитков, тетка Жаравиха принесла колыбель, из которой как раз выросла ее четвертая девчонка, и до вечера соседки наставляли Ракиту в обращении с младенцем. Ракита, десять лет прожившая женой и хозяйкой, но вдруг внезапно, без ожидания и приготовлений, оказавшаяся в положении молодой неопытной матери, то смеялась, то плакала от волнения, боясь, что не справится с младенцем, которого ей доверили сами боги. Даже взять его в руки она поначалу боялась, и весь вечер Вестим сам с ним нянчился, довольный и гордый, «будто сам родил», как сказала тетка Жаравиха.

Проводив последних гостей, Вестим с Ракитой собрались спать. Укладываясь, они то и дело оглядывались на колыбель, подвешенную в дальнем от двери углу, подходили заглянуть в нее, прислушивались к каждому звуку. Внезапно появившаяся колыбель стала новым сердцем их дома; с ней в их жизнь вошло нечто столь значительное, такое огромное, что они лишь постепенно привыкали к перемене. А младенец, накормленный молоком из рожка, спокойно спал. Он вообще оказался не криклив, и Вестим заранее гордился, уверенный, что его богоданный сын вырастет крепким мужиком.

Время катилось к полуночи. Вдруг из угла, где висела колыбель, послышался стук.

Вестим, чутко дремавший, тут же поднял голову. Стук повторился, слышался шорох, как будто колыбель раскачивалась и толкалась о стену. В избе было темно, но кузнец, смутно различая беловатое покрывало над колыбелью, щурился и тянул шею, пытаясь ее разглядеть. Покрывало поползло вниз и упало на пол. Вестим кинулся к колыбели. Она дрожала и сильно раскачивалась, стучала боком о стену, в ней шевелилось и сильно дергалось что-то большое, гораздо больше, чем младенец! Раздался какой-то звук, голос – тонкий, неестественный, так

что Вестим застыл на полпути и холод сковал жилы. Вспомнились все предостережения: не бери лесную нечисть в дом!

Метнувшись к печке, Вестим раскопал дотлевающие угли, поддел головню на кованую железную лопатку, вытащил и стал раздувать. Колыбель дрожала все сильнее, будто яйцо, из которого рвется на волю огромный птенец. Лопнули две веревки, колыбель опрокинулась, что-то большое и нескладное вывалилось из нее на пол. Снова раздался крик – тонкий, нечеловеческий, жалобный и требовательный разом, что-то смутно напоминающий, но сейчас вызывающий только ужас. Обливаясь холодным потом, Вестим бросил на лопатку кусок сухой бересты. Береста ярко вспыхнула, и Вестим поднял лопатку в дрожащих руках перед собой, освещая колыбель и огнем защищаясь от ее неведомого обитателя.

И, едва глянув вперед, кузнец чуть не выронил лопатку. Он ждал увидеть чудовище, змея о двенадцати головах, но под опрокинутой колыбелью на полу избы копошился жеребенок. Маленький жеребенок ярко-рыжей масти пытался встать на тонкие длинные ножки и смешно мотал головой. Его тихое ржанье и было тем звуком, от которого у Вестима чуть не остановилось сердце. Вестим глядел, глядел, но ни дыма из ноздрей, ни пара из ушей... что там еще полагается? Жеребенок был как жеребенок, ничего особенного. Но откуда он здесь взялся?

– Да что же это? – осевшим голосом еле выдохнул Вестим.

– Оборотень! – охнула Ракита, сжавшаяся от страха на лежанке.

Ярко и быстро горевшая береста погасла. Вестим положил лопатку на пол и зажег лучину. Подняв ее в вытянутой руке, он снова осветил оборотня. Рука с лучиной дрожала, отблески света прыгали по бревенчатым стенам, и казалось, что изба полна страшных неведомых теней. В горле было сухо, сердце отчаянно стучало, хотелось бросить лучину и бежать отсюда. Но Вестим знал, что никуда не побежит, что этот младенец, которого он принес в дом и которому дал имя, теперь перед богами и людьми его сын, продолжение его рода, часть его судьбы. И если судьба оказалась не так проста, как он думал, то ничего тут не поделаешь.

Жеребенок тем временем поднялся на ножки и теперь тыкал мордой в стену, словно искал мать. Из колыбели свешивался край пеленки, и жеребенок принялся его сосать. И при виде этого у Вестима отлегло от сердца: оборотень он, конечно, оборотень, но выходило, что в жеребячем образе он так же не отличается от простых жеребят, как в человеческом – от простых детей. Дрожащей рукой Вестим обтер со лба холодный пот и сел на лавку. Ноги подгибались, во всем теле чувствовалась слабость, но душа как-то разом успокоилась. Ну, оборотень. Что мы, оборотней не видали?

Торопливо одевшись, Ракита убежала позвать людей. От найденного в дубе младенца все и ждали чего-то необычного, поэтому довольно скоро в избе опять было полно народа. Вспомнили, что у Овсеня недавно жеребилась кобыла, и надоумили отвести жеребенка к ней, чтобы покормился. Но жена Овсеня не хотела пускать оборотня во двор, и тогда Овсень привел кобылу к Вестиму. И до утра Вестим просидел в хлеву, рядом с кобылой и спящим на соломе жеребенком, – для него в жеребенке скрывался тот же младенец, которого он назвал своим сыном.

Под утро его сморил сон, и проснулся он оттого, что лежащий на соломе младенец покрикивал, требуя еды. Он был точно такой же, как вчера.

– И куда же его класть? – Ракита развела руками. – Из колыбели выпадет, а то на соломе...

– Приладимся как-нибудь! – утешил ее Вестим. – На день в колыбель уложи, а к вечеру...

Ну, управляйся тут, а я к волхву пойду.

Перунов волхв, снова призванный для совета, не слишком удивился.

– Коли он от молнии родился и родным сыном приходится Перуну, значит, простым ему не бывать! Две сути в нем: земная и небесная, а в земной еще две – человеческая и звериная. Может, со временем и еще больше откроется. Пока он из тех оборотней, что днем людьми

живут, а ночью – зверями. А как он в возраст и разум войдет, то научится по своей воле обращаться. И в человеческом облике будет он сохранять силу коня, а в конском – разум человека.

– Что же мне с ним делать? – спрашивал Вестим, смущенный такими глубинными тайнами мироздания, вдруг вошедшими под его неприметную крышу.

– Расти и воспитывай! – просто ответил волхв. – Тебе он богами в руки дан. А чтобы он тебе больше колыбели не ломал, есть одно средство...

На другой день волхв принес берестяной ремешок с завязанными узелками – науз, и сам обвязал его вокруг тельца Громобоя. С тех пор мальчик больше не превращался в жеребенка и ночами мирно спал в колыбели. Он почти не плакал, а если и подавал голос, то лишь требуя чего-то необходимого – еды или сухой пеленки. Вместе с ним в дом вошло что-то прочное, надежное, и даже сам дом стал смотреться как-то крепче. Удача во всех делах больше не покидала кузнеца, болезни и беды обходили двор, скотина плодилась. И в следующие несколько лет Ракита родила троих детей: двух мальчиков и девочку.

А Громобой рос небывало быстро и через год уже выглядел трехлетним. В двенадцать лет Громобой всю помогал отцу в кузнице, и силы у него было больше, чем у взрослого молотобойца. Когда ему исполнилось двенадцать, волхвы хотели забрать его в Перуново святилище на гору – служить небесному отцу. Но Громобой отказался и на том уперся. Вообще-то нрав у него был спокойный и в обычных обстоятельствах покладистый, но если уж он чего-то хотел или не хотел, то сдвинуть его было невозможно никакими средствами. И волхвы отступили. Когда ему сравнялось семнадцать, молодой князь Держимир прислал звать его в дружину, но тоже получил отказ. Громобой хотел быть кузнецом, ратная слава и честь его не привлекали. И князю, ничуть не менее самолюбивому и упрямому, тоже пришлось смириться: насильно мил не будешь.

А Вестим, наблюдая все это, не знал что и подумать. Конечно, он был рад, что старший сын остается с ним, не желая менять избу в Кузнечном конце ни на святилище, ни на княжескую гридницу. Приятно было видеть, что сын вырос первым парнем в Прямичеве и непревзойденным кулачным бойцом, приятно знать, что такому работнику позавидует любой кузнец на свете. Но Вестим не мог не задавать себе вопроса: а все ли это? Неужели Перун дал ему своего сына, чтобы тот ковал топоры, косил сено козам и изображал медведя в новогодних гуляньях? У него должно быть какое-то другое предназначение. Какое?

Все первое утро нового года посад и детинец Прямичева обсуждали знамение. В избе гостеприимного купца Хоровита перебивали соседи со всех окрестных улиц: приходили, сидели за столом, толковали, спорили, качали головами, уходили говорить все о том же в других местах, уступая скамьи новым гостям.

– Волк на солнце – не к добру! – твердил старый отец Хоровита, прозванный Знамо Дело. – В прежние времена такое знамение завсегда к беде было!

– Ох, отец! – вздыхала Любезна, жена Хоровита, словно умоляла не портить праздника дурными пророчествами.

– Это к большому пожару! – вставила тетка Угляна. – Видали, облака-то были в огне? Это значит, вся земля в огне будет!

– К мору это! – убежденно возражал Прамень, точно его предложение было гораздо лучше Угляниного. – Навьи-то, видели, как вокруг вились! Так и ходят, так и ходят! Чур меня!

– Пожар, мор! – Старик Бежата махнул рукой на них обоих, уже готовых спорить. – Смешно! – восклицал он с видом не столько веселым, сколько возмущенным. – К войне это! Тут тебе и огонь, и мор, и навьи, и всякая прочая погибель!

– Ну, старче! – Хоровит недоверчиво качал головой. – Ты уж хватил! С кем же нам воевать?

– С нашим князем воевать охотников мало! – убежденно заметила Любезна.

– Что, Беляй, пойдешь воевать? – поддразнила Веселка парня, который тоже явился к ним и теперь сидел у двери, дожидаясь от нее хоть взгляда. – Отличишься!

Беляй ухмыльнулся и опустил глаза. Он не был труслив, но воевать ему совсем не хотелось. Дома, среди родных и поблизости от Веселки, ему было гораздо лучше, чем любому прославленному витязю, который ратными подвигами добыл себе княжью шапку.

– Не хочешь? – не отставала Веселка. – А то смотри! Княжеские кмети столько всего занятного рассказывают, а тебе и сказать нечего! Так и будешь весь век сидеть, с печным горшком шептаться! – намекнула она.

– С котом целоваться! – ехидно шепнула восьмилетняя Волошка и звонко захохотала, прячась за взрослую сестру от грозного взгляда матери.

Назавтра пришел и волхв-кошунник из Велесова святилища, что стояло неподалеку, за краем вымола над рекой. Щеката, высокий и худой человек лет пятидесяти, с длинной бородой песочного цвета, где мелькали нити седины, носил длинную, косматую, мехом наружу, медвежью шубу, а в руках держал высокий резной посох с навершием в виде медвежьей головы. Когда-то в детстве Веселка думала, что это и есть сам Велес, и до сих пор представляла Подземного Пастуха таким же, как Щеката, только еще выше ростом, суровее и грознее. Сам же Щеката был добрым человеком, и к нему часто обращались, когда требовалось дать совет или примирить спорщиков. Хоровит и Любезна обрадовались почетному гостю, усадили за стол, выложили угощения. Но и Щеката не мог успокоить тревогу прямичевцев.

– Что вы меня-то спрашиваете? – отвечал он на расспросы посадских жителей. – Один Сварог да Велес все знают. Людям немного открыто, а голова-то на что? Боги попусту не грозят – стало быть, чем-то их прогневили.

– Сразу так – прогневили! – недоверчиво возражал один из богатых купцов Нахмура. – Сколько жили...

– Жили, а много ли добра нажили? – ответил ему Щеката. – Выходит, боги на нас глядят без радости. Чем-то мы им не угодили. Надо теперь по сторонам поглядеть да подумать: что не так? Нет ли на нас вины какой?

Прямичевцы качали головами, хмурились, поглаживали бороды. Возразить волхву было неловко, но и согласиться не хотелось. Какая вина? Откуда ей взяться, если раньше не было?

– Надо бы к князю сходить! – толковал между тем дед Знамо Дело. – Ему виднее, что за напасть такая.

– Князю завсегда виднее! – подхватил Бежата, уже седой старик с длинной, широкой, белой бородой. – Надо нам всем собраться да сходить!

– Давай, знамо дело, собирайся! – подзадоривал седого приятеля хозяин. – Повеличаем, может, бражки поднесут. Свиные ножки да пирогов в лукошке!

– Да что мне собираться? Подпоясаться разве! – посмеиваясь, отозвался Бежата.

– Да знаю я, как вы соберетесь! – Любезна им не слишком верила. Старики сидели за столом крепко, как молодые зубы в челюсти. – До Велесова дня прособираетесь, а там праздникам конец!

Проводя время в разговорах, посадские жители и в самом деле не слишком торопились. Не хотелось думать о плохом и портить себе праздник, на помощь приходила привычная надежда, что как-нибудь все обойдется. На то и боги, чтобы держать порядок на небе, а нам бы на земле справиться. Может, привиделось? После большого гулянья чего не увидишь?!

Новое утро не принесло никаких пугающих знамений, вчерашний страх отступил, праздник напомнил о себе: снова хотелось веселья, движения, смеха. Вечер застал Веселку с подругами далеко от дома, на Ветляне. Весь день они катались на санях, а как стемнело, прибились погреться и отдохнуть к костру, который прямичевцы разложили над высоким обрывистым берегом. Катал девиц на своих вороных, наилучших в городе тройках Черный Сокол, младший сводный брат князя Держимира, рожденный от пленной степнячки-куркутинки. Мать назвала

его длинным непонятным именем Байан-А-Тан, но в Прямичеве его звали Баяном или Черным Соколом. В любой толпе он привлекал внимание своей необычной внешностью: чужая кровь ярко сказывалась в его смуглой коже, отливавшей бронзой, в форме крупного носа, заметно выступавшего вперед, в темных глазах, которые казались большими и влажными, как у коня. Свои блестящие черные волосы он зачесывал назад и заплетал в косу. Как нарочно про него было сказано: не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив. Хмурый, замкнутый, недоверчивый князь Держимир любил своего сводного брата больше, чем иные любят родных, и баловал его, как любимое дитя. При первом взгляде на Черного Сокола любая говорлинская девица сказала бы, что он страх как некрасив, но все прямичевские девушки были влюблены в него за его открытый, веселый нрав и даже не в шутку считали его красавцем. Веселке Черный Сокол тоже нравился: она любила все яркое, живое и необычное, а Баян был по-своему не менее ярк и необычен, чем Громобой. Если без Громобоя не обходился ни один кулачный бой или зимнее «взятие Ледяных гор», то Баяна было лучше всего видно и слышно на гуляньях, и он был одинаково весел на пирах в княжеской гриднице и на посиделках в посадской беседе. Любовь к шумному веселью роднила его с Веселкой, и, в отличие от Громобоя, он всегда был рад ее видеть и никогда с ней не ссорился. У него уже имелась, правда, одна жена, но и Веселке он не раз намекал, что и для нее место найдется. Веселка только смеялась на это: лестно было воображать себя женой княжеского брата, однако что-то не давало ей ответить согласием – жаль было вольной и веселой девичьей жизни. Но мало что могло ее обрадовать так, как звон бубенцов его тройки, утром подлетевшей к воротам, и голос Баяна, звавший ее кататься.

Над заснеженной Ветляной катались дотемна; завидев дым, заезжали в огнище, гуляли там, угощали хозяев, играли с тамошней молодежью в «колечко», водили хороводы вокруг Велесовых снопов, украшенных лентами и сухими цветами. Под вечер, уже в темноте, утомленная «колядошная дружина» вернулась к Прямичеву. В темноте был виден огонь, разожженный на высокой прибрежной горе над Ветляной, прямо напротив ворот посадского вала. Возле нескольких больших костров былолюдно и оживленно. Поближе к огню, как внутри солнечного круга, сидели старики, а вокруг них водили хороводы молодые. Дети и подростки бегали вокруг с пирогами в руках, катались с гор на санках, кидали снежки. Никому не хотелось домой: казалось, человеческое веселье даже ночную тьму отгонит и позволит хороводиться до самого утра. Веселка едва успела протянуть к огню озябшие руки, как возле нее опять возник Баян с маленькими санками, позаимствованными у кого-то из малышни. Целый день гулянья утомил и его, он был разгорячен, но внутри него словно бурлил источник, не дававший отдыхать.

– Не устала? – поддразнивал он Веселку. – А то посиди в сторонке со старушками!

– Сам посиди! – смеялась Веселка.

Все неприятное – страх перед Зимним Зверем, ссора с Громобоем, – все ушло и забылось, ей было весело и хотелось, чтобы это продолжалось вечно: и быстрая езда на княжеских санях, и хороводы, и песни.

– На свете бывает, что и медведь летает! – весело орал Баян, посадив Веселку на передок санок и бегом толкая их сзади. – Да только кто ж видал, чтобы медведь летал?

Разогнавшись, санки помчались вниз; Веселка взвизгнула, чувствуя, что задняя половина санок слишком легка и неустойчива; но в последний миг Баян вскочил на них уже под уклоном горы, и санки стрелой полетели вниз, к отмели, где берег невидимо под снегом переходил в лед Ветляны. В тусклом свете неба лед казался серебристо-белым, а воздух над ним – черно-вато-синим. Прямо напротив горы сверкали белым огнем звезды, и казалось, что санки летят в пропасть, прямо в дивные небесные миры. Веселка визжала от восторга и жуты, душа ее рвалась наружу, взбудораженная всем этим: стремительной ездой, свистом ветра, теплом и силой рук Баяна, обнимающего ее сзади. Казалось, душа расстается с телом и касается неба; хотелось сей же миг умереть и жить вечно.

И вдруг впереди, в рассеянном сиянии снега, возникло огромное черное пятно. Как будто сам воздух, само сияние снега и луны раздвинулись, образовав провал в черную пустоту. Веселка не успела сообразить, что это такое: что-то вроде полыньи, но полынья эта не лежала на льду, а стояла стоймя, как ворота, и прямо в эти ворота неудержимо мчались их разогнавшиеся санки. В черноте пятна мелькнули две злые белые искры, точно чьи-то глаза; еще не веря себе, Веселка испуганно ахнула, и хотелось, чтобы грозный морок рассеялся так же внезапно, как появился.

Над высоким берегом вскрикнул женский голос, крик подхватило несколько других. Рванул пронзительно-холодный ветер, пригнулось пламя костров, веселье в сердцах мгновенно сменилось беспричинным страхом. Замерев на месте, люди оглядывались, точно спрашивали друг друга: что такое?

А санки мчались вниз, навстречу распахнутой пасти тьмы; Веселка охнула и замолчала, потому что рука Баяна вдруг прижала ее слишком сильно. Теперь-то и он увидел, что ждет их внизу: на белом снегу неясно вырисовывались очертания громадного черного зверя. Белый огонь узких глаз освещал приоткрытую пасть и бросал блики на острые клыки. Очертания тела казались расплывчатыми, но от этого делалось еще более жутко. Это не просто волк, это зимнее чудовище, то самое, что хотело сожрать солнце и теперь выбрало новую жертву из тех, кто тогда ему помешал. От зверя веяло жестоким, нестерпимым, мертвящим морозом; окоченев, не в силах вдохнуть или даже зажмурить глаза, Веселка застывшим взором смотрела на Черного Волка Зимы. И ледяной ветер тащил ее прямо в эту распахнутую пасть, тащил с неудержимой силой, и не было никакого средства остановить бег санок, несущих двух седоков прямо к гибели.

Прижав к себе девушку, Баян и сам как будто сжался в кулак; он не испугался, но в первые мгновения растерялся, не понимая, что это такое. А сани мчались прямо на ночное чудовище, и раздумывать было некогда. При нем не было никакого оружия, даже нож с пояса он оставил дома... да и чем поможет простой нож против злобного духа зимы с железной шерстью? Но из-за Веселки, сжавшейся и переставшей дышать, соображать приходилось быстро.

– На лошади еду – под гору хорошо качу, а в гору сам волочу! – диким голосом заорал вдруг Баян и качнулся, точно хотел разогнать санки еще быстрее. – Бояться волков – быть без грибов! У наших ворот всегда хоровод – раскрывай шире рот, зубам будет пересчет! Эх, коси малину, сгребай смородину-у-у!

Черный волк припал на передние лапы, готовясь к прыжку, но прыгнуть не успел – сани налетели прямо на него. Баян оглушительно свистел, Веселка в последний миг опомнилась и завизжала. Холодная тьма накрыла с головой ее и Баяна, словно ночная прорубь; дыхание перехватило, но его руки не выпустили ее, и Веселка, жмурясь, бессознательно прижималась к Баяну спиной, к живому теплу, единственной защите от ужаса зимней ночи. Сильно трянуло, и в тот же миг все кончилось. Санки мчались по ровному пространству ветлянского льда, руки Баяна держали ее сзади, в лицо бил ветер. Веселку бросало то в жар, то в озноб, во всем теле ощущалась слабость.

Санки выдохлись, растеряли разбег и покатались медленнее; Баян опрокинулся на бок вместе с Веселкой, полежал так немного, приходя в себя, потом поднялся и ее тоже поставил на ноги. Позади них тянулся след от полозьев, над берегом металась отблески зажженных веток. На горе рвались в темную вышину языки костров, а вокруг блистал ослепительно белый снег с острыми холодными звездочками.

– Ты живой? Черный! Где ты есть? Княжич! – кричали на горе десятки голосов. – Веселка! Вы живые? Отзовитесь!

– А то как... – начал было Баян, но голос его сорвался. – А то как же! – еще раз крикнул он, сглотнув и упрямо трянув головой. – Чтобы я – да не живой? Попробуйте от меня избавиться!

– Что это было? Что? – Пока к ним бежали люди, Веселка теребила Баяна за мех безрукавки на груди. – Опять Зимний Зверь? И уже не на небе? Прямо к нам слез?

Она постепенно осознавала, что означала и чем грозила эта встреча, и ее была сильная, неудержимая дрожь, от которой зубы стучали, язык заплетался и даже говорить было трудно. В душе вспыхивали то ликование – они спаслись, они живы! – то ужас при мысли, как случайно, ненадежно было их спасение.

– Ну, Зимний Зверь! – смеясь от нервного возбуждения, Баян крепко прижал голову Веселки к груди, словно хотел этим сдержать ее дрожь. До него тоже доходило постепенно, и смех его, все более громкий, звучал неестественно и дико. – Ну, Зимний Зверь! Подумаешь, Зимний Зверь! – выкрикивал он в темноту, будто вызывал на бой всех чудовищ, рожденных Зимерзлой. – Видно, не ждал, морок драный, что такой смелый найдется – чтоб его санями!

– Чем ты его добил-то? – чуть не плача, допрашивала Веселка, почти ничего не помнившая из тех жутких мгновений. – Заговор, что ли, знаешь? Поделится бы!

– Заговор! – со смехом отвечал Баян, который и сам в те мгновения не понимал, что кричит и почему. – Заговор! Что я живой – вот и весь заговор! Не любят они живых, зимние выродки, не любят живых, боятся! А я живой! Живой я! – ликуя кричал он навстречу подбегающей с факелами толпе...

Над головой прижавшейся к нему Веселки Баян приветственно махал рукой, а Веселка держалась за его плечи, прятала лицо в мех его накидки, и ей было так страшно, что она не решалась пошевелиться. Ей мерещилось, что вокруг нее холодная пустая чернота, и страшно было сделать шаг, чтобы не кануть в эту ледяную пропасть. Ей вспомнился Громобой, и сердце зануло от желания быть поближе к нему. И какой леший ее дернул кататься с Черным Соколом! Веселка испытывала раскаяние непослушного ребенка, который нарочно пошел в дремучий лес, куда ходить не велели, и заблудился. Она чуть не плакала от тоски, ей хотелось домой, в Прямичев, где вокруг не этот лед и черная ночь, а знакомые дома, тыны и ворота, дымы печек... Громобой... Только рядом с ним она и могла бы не бояться никаких зимних духов. Ведь он – сын Перуна! В нем вечно живет частица Небесного Огня, которого так боится любая нечисть и нежить.

– Резвого жеребца и волк не берет! – ликуя кричал Баян, размахивая рукой навстречу бегущим к ним парням.

Он не был сыном бога, он просто был очень везучим.

Глава 2

Весь вечер Веселка дрожала и наутро сидела притихшая. Утром никак не рассветало, на востоке поиграло немного расплавленного золота рассвета среди серых туч, но между землей и небом висела плотная серая тьма. Наступающий день барахтался в серой вязкой мгле и не мог из нее выбраться. Потом погода вконец испортилась, пошел снег; невидимая Зимерзла гуляла над крышами, трясла рукавами, рассеивая тучи влажных белых хлопьев, неразборчиво напевала какие-то снеговые заклятья. И неохота было выходить на улицу, страшно поднять голову – так и ждешь, что заденет по лицу тяжелым, жестким, холодным краем Зимерзлиной белой шубы.

Прислушиваясь к гулу ветра над крышей, Веселка все ждала еще каких-то пугающих знамений и в то же время сторожила: не скрипнут ли ворота, не застучат ли шаги на крыльце? Ей хотелось увидеть Громобоя, и она надеялась, что он придет, хотя никаких других причин, кроме ее желания, тому не было. Но почему бы ему не зайти? – рассуждала она сама с собой, с непривычным усердием орудуя костяной спицей над чулком для кого-нибудь из младших. Она не знала, что скажет ему, но это не так уж и важно. Он ведь не очень-то к ней прислушивается.

К полудню заявили гости, жаждущие расспросить о вчерашнем. Веселка и рада была бы рассказать, но при воспоминании о Черном Волке Зимы ее опять охватывала дрожь и делалось так страшно, что хотелось зажмуриться.

Зимний Зверь! Снеговолок сын Зимерзлы, один из страшных зимних духов, дух метели и режущего зимнего ветра, каждый год в положенный срок носится над землей, перепрыгивая с тучи на тучу, пытается поймать новорожденного ягненка-солнце, щелкает ледяными зубами и воет в бессильной голодной тоске. Каждую зиму по вечерам в затянутом тучами небе, где в разрывах виднеется глубокая чернота, можно различить грозные очертания Зимнего Волка. Каждый год он подает голос в вое метели, но никто из стариков даже не помнил, чтобы сын Зимерзлы показался людям так явно, хотел сожрать солнце прямо в первое утро нового года, а потом вышел из облаков на землю и чуть не съел живых людей! Да еще и брата самого князя!

– Я так мыслю, нашему князю это примета дурная! – прикрывая рот ладонью, шептала Любезне на ухо тетка Угляна и еще оглядывалась, не слышит ли кто. – Зря он себе жену-оборотня притащил. Родится у нее зверь, вот сама скоро поглядишь! И что брата его Зимний Зверь сожрать хотел, тоже неспроста. Не останется наследников у князя Держимира, и род его сгинет! А все за то, что отец его брата погубил!

– Не болтай дури-то! – с неудовольствием отмахивалась Любезна. – Это когда было? Полвека назад! Дед, вон, молодой был, не женился еще!

– А ну и что? Погубил князь Молнеслав брата, за то боги его род прокляли, и всем нам худо придется! Вот сама поглядишь!

– Все злое отзовется! – дед Знамо Дело кивал, тревожно глядя на внуков.

Румянок, Колобок и Ранник играли на полу с деревянными чурочками. Похоже было, что чурочка Румянка изображала Зимнего Зверя: сам он грозно рычал и подвывал. Чурочки братьев были санями. Сначала «Зимний Зверь» напал на сани, а они в испуге старались от него уехать, но потом, увлекшись, напали на врага сами. «Сани» Колобка при этом даже оторвались от земли, и через некоторое время битва велась уже где-то в небесах и походила скорее на сражение Перуна с Велесом. Дети играли в битву богов, и им не приходило на ум, что нечто похожее сейчас разворачивается над их головами на самом деле.

Сам праздник как будто замер в испуге: даже молодежь сидела по домам. Правда, из Кузнечного конца явились-таки ожидаемые Веселкой гости, но Громобоя среди них не было, и Веселка не слишком огорчилась, когда мать, вручив парням по пирогу, отправила их восвояси. Кое-кто из соседей, держась поближе к тынам, заходил и после, но разговоры не веселили: все

сходились на том, что «все это не к добру». Явственного толкования пугающих предзнаменованний никто не мог дать. Дед Знамо Дело рассказывал младшим кощуну, и хотя все это было Веселке знакомо, она слушала, чтобы только не думать о Зимнем Звере. Так утешительно было знать, что где-то в мире есть сила, смелость, решимость, победа!

– ...А правила в том городе княгиня, и было у нее семь дочерей! – рассказывал дед. – Сама княгиня была богатырша удалая, из мужчин никто ее не мог побороть. И полюбила Заревику ее младшая дочь. А как узнала про то княгиня, то и говорит: «Когда была я молодой, меня из чужих земель пришелец чести лишил, и зарок я тогда дала, что никто из моих дочерей иноземца в мужья себе не возьмет. А раз ты зарок мой нарушил, то мой меч, а твоя голова с плеч! Выходи на поле!»

– Ох, Матушка Макошь! – Любезна, разбирая ворох сухих пеленок самой младшей, годовалой Досташки, подняла глаза и качнула головой. – Сама княгиня и виновата! Надо ей было не с мечом баловаться, а за дочерьми смотреть! Глядишь, и не нарушила бы зарока!

– Да и зарок-то глупый! – фыркнул Чистец. В пятнадцать лет диву даешься, как много глупостей творят окружающие. – Если княжич горячей кашей обожжется, так что же, кашу проклясть и народу запретить?

Дети засмеялись, вообразив кашу запрещенной.

– Да и парень не виноват! – охотно подхватил Хоровит. – Он-то зарока не давал княжеских дочерей не любить. Стало быть, и не нарушил ничего.

– Да дайте же дальше рассказать! – сердясь на болтливых взрослых, прикрикнул двенадцатилетний Яровод. – Это же кощуну, а там все не так! Это же про богов!

– Ну, не про одних богов! – поддразнила брата Веселка. – Княгиня та или ее дочь – они-то не боги, а просто люди. Надо, чтобы про людей по-людски и говорилось!

– Да ну вас! – не сдавался Яровод. – В кощуне простых не бывает!

– Вот уж верно! – согласилась Любезна. – Если бы все матери такие были, как твоя княгиня, то род человеческий не сильно бы расплодился!

– Ну, рассказывай дальше! – молил деда Яровод.

Придирки матери и сестры причиняли ему досаду: что они понимают? В сказаниях все должно быть не так, как в жизни, в этом-то и вся их прелесть: в том дивном мире нет мелких забот, нет сомнений, и с первого взгляда ясно, кто прав, кто виноват. И каждый малец, слушая такую кощуну, себя самого ощущает непобедимым богатырем, который единым махом сметает целые полчища врагов!

Дед Знамо Дело ласково погладил светловолосую голову внука. Конечно, в жизни все не так, и прежде чем ввязываться в драку, надо разобраться, кто же в ней прав. А это порой потруднее самой драки. Кулаками махать – ума не надо, дали бы боги силу. А ты вот сперва пойми, кто тут обижен, а кто обидчик. Знамо Дело, которому с другими посадскими стариками нередко приходилось разбирать споры, задумчиво качал головой. Чем лучше разберешься в деле, тем хуже понимаешь, за кем правда. За каждой стороной – своя. Даже свет и тьма в мире не отделены друг от друга непроходимой гранью: их сводят вместе рассвет и закат, сливают сумерки, перемешивают так, что и не заметишь, когда же, в какой миг, у какой черты кончается ночь и начинается день. Все время ищешь, ловишь этот миг и эту черту, надеешься поймать и подглядеть на этой тонкой грани самое главное в мире. А пока ты ловишь эту тайну, время делает свое дело, уверенно и неизменно, ничего не скрывая и ничего не показывая. Все в мироздании едино, все течет из одного в другое: свет и тьма, тепло и холод, зима и лето, жизнь и смерть. Что же говорить о добре и зле, которые живут не в небе, а в человеческой душе? Каждый человек – как небо, где есть свой свет и своя тьма, тесно слитые и неразделимые.

А впрочем, не стоит забивать голову подростку. Пусть в его сердце возникнет и вырастет ненависть к сказочному злу, а уж зло настоящей жизни не заставит себя ждать, хоть и будет на

вид помельче, чем двенадцатиглавый змей. И дед продолжал рассказывать, сам с увлечением живя в простом и ясном мире сказания, который так мил и старому, и малому.

– ...Вышел Заревик в поле, и выпустила княгиня на него свою дружину – сто человек и еще одного. Стали они биться, и побил Заревик всю княгинину дружину. Тогда вышла сама княгиня в поле против Заревика. Бились они день, бились ночь, и никто одолеть не мог...

– Вот он, сын бога-то! – встала Любезна. – Сто человек в одиночку побил! А у нас свой сын Перуна есть – что от него толку? Чудища хоть весь город пожрут – он и не почешется!

– Не скажи, матушка! – Хоровит засмеялся и подмигнул Веселке. – Не ругай парня зазря! Забыла, как у кожевников бык вырвался? Как Громобой его за рога руками взял и голову на сторону своротил?

– Потом еще Головения чуть не князю из-за него бил челом: зачем-де погубил скотину? – подхватил, тоже смеясь, старик Бежата. – Мог бы, дескать, так, за рога, и в стойло свести. А он: «Не рассчитал, не думал, что бычок такой хлипкий!»

– А еще Вешников тын! – закричала тетка Угляна сквозь общий смех. – Еще когда Вешнику тын обрушил – почесаться, говорит, хотел!

– И как Стрекотухин парень ему под кулак подвернулся, так до сих пор левым ухом не слышит! – сердито, без смеха, добавила Любезна. – Вы-то смейтесь, а только я вот что думаю: если наш сын Перуна только на такие дела и способен, то недалеко он пойдет! Вон, дело ему – Зимний Зверь! Чуть девку не сожрал! – Мать ткнула скалкой в сторону Веселки, и сама, воодушевленная и грозная, весьма походила на ту княгиню-богатыршу с мечом из дедовой кошуны. – Чем ему не дело? Пошел бы к князю, сказал бы, так, мол, и так, хочу людей от Снеговолока избавить...

– Да как от него избавишь! – Бежата, сочувственно слушавший хозяйку, махнул рукой. – Зимний Зверь – не простой, его не убьешь. А убьешь – еще хуже будет. На нем зима стоит. А на зиме – весь годовой круг. Без зимы и лета не будет.

– А хорошо бы – без зимы! – вздохнула Волошка, сидевшая возле Веселки. – Чтоб всегда тепло...

– А на санках? – возмущенно вставил Румянок. – А ледяную гору строить?

– Нельзя без зимы! – согласился и дед Знамо Дело. – Всякому человеку ночью поспать надо, отдохнуть. Так и земле надо поспать. И солнцу. В теплое время им только и трудиться, а зимой – отдохнуть, сил набраться. Так богами заведено. Порядок такой. А без порядка не жизнь была бы у нас, а одна сплошная Бездна. Нет, детки, пусть себе и Снеговолок будет, и Костяник, и Зиммерзла, и Морена ... Лишь бы они свое дело делали – что им положено, то брали, а на чужое рта не разевали. Не то ведь худо, что Снеговолок на свете есть, а то, что девку захотел сожрать. Не бывало на моем веку такого... – Дед помедлил, будто на всякий случай вспоминал, и еще раз покачал головой. – Не бывало... Знать, за что-то на нас боги огневались.

Все помолчали. Вопрос «за что?» у каждого был на уме и словно бы висел в воздухе. Каждый из взрослых перебирал в памяти события недавнего прошлого, но никакой вины перед богами вроде бы не находилось. Бывали, конечно, и ссоры, и войной на дремичей ходил речевинский князь Велемог... Так отбились же! И князь Держимир наконец себе жену раздобыл, к Медвежьему велику дню и сыночка ждет. Жить бы да радоваться... Так вот нет же!

В тишине было слышно, как за стенами избы гудит ветер.

– Ну, замело! – Старик Бежата оперся обеими руками о посох и медленно поднялся. – Пойду я, а не то дорогу завалит. Добирайся потом...

– Ребята, проводите! – Хоровит кивнул двум старшим сыновьям.

Чистец и Яровод разом вскочили, но Бежата махнул рукой:

– А их обратно потом кто проводит? Я, конечно, своих пошлю, так и будут друг друга до утра провожать. Нет уж, нечего ходить, нечисть дразнить. Один я дойду, ничего, дорогу знаю. Тут до угла только, а там за тынами уж не снесет... Спасибо дому, чурам и хозяевам... – Старик

поклонился печке, потом разогнулся и опять прислушался. – Как Снеговолок-то разгулялся! Так и воет, так и крутит... Да я, старый, ему не понадобится. А вот детям ходить нечего. Держи-ка их при себе, мать.

Провожая Бежату, Хоровит и Любезна вышли в сени. Во дворе была уже настоящая метель: ветер гнал над землей целые тучи крупных влажных хлопьев, не давал им даже коснуться земли и как будто хотел выпихнуть их обратно на небо; при этом он каждый миг передумывал, менял направление, снежные вихри рвались и вились в разные стороны.

– Шагай живее, дед, а то не дойдешь! – Хоровит озабоченно похлопал старика по плечу. – Чего делается-то... Да держись тына, а то тут не поймешь, куда идти-то.

– Слышишь? – Любезна толкнула мужа в бок.

Где-то далеко, на краю невидимых небес, раздавался низкий, глубокий вой. Он был тесно сплетен с воем ветра, но временами человеческое ухо выхватывало его очень четко, и дрожь продирала по спине от мысли: это воет не ветер, а какое-то другое, более опасное существо. Вой летел над крышами посадских улочек и над теремами детинца, над спящими пристанями и заснеженными оврагами. Тягучей, холодной и тяжелой волной голос Зимнего Зверя струился откуда-то сверху, и казалось, что Зверь ждет где-то близко, прямо за пеленой мечущихся в страхе снежных хлопьев, и вот-вот прыгнет вниз... Этот голос явственно подтверждал смутные человеческие опасения: да, это правда, в мире что-то случилось. Что-то изменилось... Эта зимняя тьма и холод вьюги станут вечными... Зимерзла, мать зимней тьмы, останется единственной хозяйкой земного мира, останется навсегда и никогда не пустит в него других, согревающих и оживляющих богов. Нужно ждать... Ждать беды...

Хоровит поспешно закрыл ворота за ушедшим Бежатой и, с наброшенным на голову кожухом, перебежал через двор обратно к крыльцу. Отряхивая на ходу снег, они с Любезной вернулись в избу. Здесь было тепло, везде белели детские головки, и все вроде бы было хорошо, спокойно, как всегда. Но и купец, и его жена не могли избавиться от давящего чувства, что какое-то могучее зло, непонятное людям и неодолимое их слабыми руками, придвинулось совсем близко и даже крепкие стены избы не защитят семью от грозящей беды.

Вой Зимнего Зверя слышал и Вестим, под вечер шедший домой из детинца. Проходя мимо соседских тынов, он поглядывал вдоль улицы, прислушивался, не шумит ли где ватага, руководимая его старшим сыном. Но все было тихо, только метелица гуляла да рыжая собачонка соседа Пригожи, тощая, длиннолапая и глупая, отрывисто лаяла из-под ворот. Из-за покосившегося тына вдовы Пепелюхи долетали голоса. «Забрались под крышу, ума хватило!» – с облегчением подумал кузнец. Все небо было затянуто тучами, белесыми в тусклом свете луны. Кое-где тучи словно бы подтаяли, и сквозь них просвечивала темнота неба. Мир казался глухим, замкнутым. Отовсюду веяло тоской. Хотелось вздохнуть поглубже, сбросить с груди давящую тяжесть. Не выйдет, надо терпеть. Надо перетерпеть это время, самое глухое и темное в году, а потом начнет светать яснее и раньше, а со светом придет и воздух, и простор, и желание жить. Сейчас год нырнул в самую глубину, а потом настанет время и выныривать. Как всегда.

Войдя в избу, Вестим сразу заметил медвежью шкуру, косматой кучей сваленную на лавку. Мокрый мех поблескивал. Значит, «медведь» походил уже по улицам да и вернулся.

– Где ты там, рыжий? – позвал Вестим в темноту, где всего одна лучина в светце возле печки распустила робкий листочек огонька. – Шкуру-то расстелил бы как следует.

В дальнем от печки углу, где была навалена куча сена, негромко прошуршало.

– Да я уж ему говорила, – вполголоса проворчала Ракита, помешивая длинной ложкой в большом горшке на печи. Рослая, немного сгорбленная, с большой головой, обкрученной двумя или тремя платками поверх повоя, она сама во тьме казалась медведицей. – Спит он. Нагулялся сегодня.

– Да разве это гулянье было? – обиженно подала голос Зарина, семнадцатилетняя дочь. Она сидела на краю скамьи возле прялки, и ее совсем не было видно в темноте, только пятно рубахи смутно белело.

– Походили, потоптались, да и все, – уныло рассказывала она. – Только свои и были, другие все забоялись. И веселье-то какое... Беляя головой в снег поставили, чтобы еще белее был... А то он вокруг Веселки Хоровитовой все ходит, ходит, все никак понравиться не может...

Зарина вздохнула. Неудача соседского, с детства знакомого парня прибавляла уныния, казалась частью той беды, которая откуда-то вдруг свалилась на Прямичев. Хоть бы что-нибудь веселое случилось! Хоть бы у кого-то все было хорошо! А то кажется, что с каждым днем все темнее и темнее. Все ниже и ниже, глубже и глубже в эту тьму, а ведь в новом году день уже должен прибавляться!

– А Веселка-то была? – усмехнувшись, спросил Вестим. – Видела, что Беляя теперь надо любить?

– Нет. – Зарина мотнула головой. – Мы на Велесову улицу заходили, «ягодку» пели, а она не пошла. Любезна бранилась: «Идите отсюда, не до гуляний теперь!» Что же, теперь совсем и не жить?

– Правильно купчиха говорит! – одобрила Ракита. – Дома сидите, целее будете.

– Да уж...

Задумчиво развязав плетеный пояс, кузнец сложил на лавку кожух, потом вспомнил и повесил его куда следует – на деревянный гвоздь возле дверного косяка.

– Хорошо, княжича Зверь не заел, – добавил Вестим, сев к столу и разглаживая ладонями волосы по обеим сторонам от ровного прямого пробора. – А то бы... Бабы болтают, что...

– Дурной голове всегда счастье! – перебив, бросила Ракита. У разумных людей, которые даже маленькую удачу оплачивают долгим трудом, вполне понятное раздражение вызывает счастье беспечного дурня, у которого и петух несется, и сани едут без лошадей. – Может, если бы его заел, то к себе бы в Навье ушел и никого больше не тронул бы!

На крыльце заскрипело, в сенях бухнуло, в дверях взвизгнуло. В душевой избе потянуло прохладным свежим воздухом с улицы, через порог разом перевалились Смиряка, младший сын Вестима, и Солома, соседский парень, прозванный так за прямые золотистые волосы. Кожухи у обоих были в снегу.

– Где валялись-то? – приветствовала их Ракита. – Ровно дети малые!

Махнув по поклону в сторону печки и хозяев, Солома позвал в темноту:

– Медведюшка-батюшка! Ты что, до весны залег? А бока не отлежишь? Вылезай, пошли! Наши все к Пепелухе набились, хотят в «колечко» играть.

– Тут колесо надо! – хихикнула Зарина.

– Разбуди его! – попросил Солома. – А то я боюсь: как двинет спросонья...

Хихикая, Зарина наклонилась над кучей сена, где лежал Громобой. Он любил спать на полу, как будто не доверял лавкам и полатам. Покрывшись кожухом, он лежал на спине с закрытыми глазами, но сестра была уверена, что он не спит.

– Просыпайся! – Она положила ладонь ему на плечо и слегка потрясла. Крепкая рука тут же сжала ее запястье. – Ой!

– Ты чего? – окликнул от порога Солома. Дальше он не решался зайти, опасаясь упреков хозяйки за нанесенный в дом снег.

– Медведя поймала! – неуверенно ответила Зарина.

– Ну, тащи его сюда! – обрадовался Солома.

Зарина потянула на себя свою руку и попыталась разогнуться – напрасно.

– Да он не идет! – расстроено доложила девушка.

– Так хоть сама иди! – позвал Солома.

– Да он не пускает! – жалобно протянула Зарина.

И тут наконец все в избе засмеялись: Вестим смеялся неожиданно тонким голосом, а Ракита – густым, почти мужским. Тут же она закашлялась и гневно замахала на молодежь руками. Громобой, тоже смеясь, выпустил руку Зарины и сел, потянувшись, стряхивая дрему.

За общим смехом хозяева не сразу заметили, что в избе появились гости.

– Здоровья хозяевам, богатства дому! – Через порог шагнул сосед Овсень. Роста он был невысокого, ниже своих сыновей, а лицо его до самых глаз заросло русоватой бородой, в которой смущенно прятались мелкие черты лица. – Хорошо, застали мы вас!

– Да где же теперь и быть? Только дома! Вот как праздники кончатся, опять работа пойдет... – Вестим вздохнул. Грохот собственного железного молота по наковальне казался ему не менее надежным средством отогнать нечисть, чем огненный меч самого Перуна. – Когда у нас молотки не стучат, тогда нечисть и гуляет! А вы-то чего по темноте бродите?

– Дело мы задумали... – смущенно начал Овсень и просительно посмотрел на Вестима: – Завтра поутру пойдем-ка с нами. Сын вот мне покоя не дает: жениться да жениться. Пойдем да пойдем! Уж идти, так со старостой – а то не уважают...

– Да вы свататься собрались! Матушка Макошь! Неужто взаправду! – изумленно закричали Ракита, Зарина и даже Смиряка, который успел залезть на полати, пригреться и задремать. – Да нет, не шутя собрались?

– Какое шутя? Что я, скоморох, что ли? – Овсень, неуверенно мигая, вертел головой от одной женщины к другой, словно не знал, которой ответить. – Уж сколько собираемся... Почитай...

– Собираетесь-то давно! – выразительно подтвердила Ракита, сурово глядя на Беляя. Войдя, он так и встал возле двери и не произнес еще ни слова, а на его лице застыла такая решимость, словно он шел биться с Зимним Зверем.

– Да вы садитесь! – спохватился ошарашенный Вестим, но гости едва ли его услышали, потому что одновременно продолжала говорить Ракита.

– Свататься! Люди, да вы глядите на них! Свататься! – выкрикивала она, потряхивая разведенными руками, как будто прямо здесь, в полутемной избе, на них смотрел весь Прямичев. – Ну вы и время выбрали – поплоче не могли дождаться! Свататься! – с изумлением и возмущением, как будто было задето ее собственное благополучие, восклицала Ракита. – Врагу не пожелаешь! Чудища днем и ночью по городу ходят, всякое навье, самое малое пока в избы не лезет, скоро будем ли живы – а им свадьбу! Да ты в уме ли, старик? Молодому не терпится, а ты-то что думаешь?

Беляй поднял на нее глаза. От этой пылкой речи в его лице не дрогнула ни одна жилка: он был тих, но упрям и очень хорошо знал, чего хочет. Сознывая, что он не самая подходящая пара для резвой Веселки, Беляй все же не хотел отказываться от нее, пока она прямо и ясно не отказалась от него сама.

– Ты, тетка, верно сказала – времени похуже дожидаться не будем, – негромко ответил Беляй. – Что же теперь, всему роду людскому сидеть да гибели ждать? Сейчас самое время жениться – потом-то еще невесть что будет. Может, потом будет поздно. А сейчас надо. Пока живы, жить надо. Так что просим тебя, Вестим, завтра с нами к Хоровиту.

– К Хоровиту! – фыркнула Зарина и покосилась на Громобоя. Она-то знала, отчего Беляю не везет, но не хотела говорить вслух.

А Громобой и ухом не повел. С приходом гостей он снова опустил на свою сенную лежанку и сейчас то ли дремал, то ли смотрел в потолок. Разговор о Веселке и даже о сватовстве за нее его вроде бы и не касался.

Беляй и Овсень тоже посмотрели на него. Посмотрел на сына и Вестим. Безразличие Громобоя всех успокоило.

– Ну, что ж... – Вестим развел руками. – Раз уж вам так хочется... Помогай нам Макошь и Лада!

У него не лежала душа к этому сватовству, но отказать Овсеню в помощи нельзя. Кончанский староста для посадских жителей то же самое, что глава рода в лесных огнищах – без него не обходится ни одно важное дело.

– Надо поторапливаться! – поспешно заговорил обрадованный Овсень. – А то потом Хоровит ехать соберется и до Медвежьего дня его не увидим. А без хозяина какая свадьба?

– Да куда уж он поедет? – мрачно буркнула Ракита. – Я бы своего и за ворота не пустила по такому-то времени!

Когда гости ушли, в избе стало тихо. Вестим молчал, постукивая пальцами по столу, Ракита время от времени бормотала что-то неодобрительное. А Зарина, наоборот, повеселела и в мыслях уже примеривалась, как бы завтра понезаметней ускользнуть вслед за мужчинами и побежать следом, потолкаться с народом под воротами купца. Уж как ни таись от дурного глаза, а о сватовстве мигом узнает вся улица. Думая об этом, Зарина прятала улыбку и вертела в пальцах кончик своей косы. Мысль о чьей-нибудь свадьбе всегда радует девиц, какие бы страшные волки не выли по ночам вдалеке.

Следующее утро выдалось чуть яснее, и Чистец увел всех мальчишек, кроме самых младших, к Ветляне кататься с гор. В избе Хоровита горели лучины в двух светцах: один у стола, где хозяин с товарищем Нахмурой, тоже купцом, толковали зачем-то о числе волокуш – хватит, не хватит? – и в самом дальнем углу, возле скамьи с прялками, где сидела Веселка. Сегодня она приободрилась и с новым нетерпением выслушивала шаги и голоса во дворе. Если сегодня «медведь» все-таки придет, она уж непременно уприсит мать и пойдет со всеми! Когда же погулять, как не в праздники!

Уж как ягодка красна,
Земляничка красна! —

напевала она себе под нос, словно приманивала к себе веселое гулянье, и подмигивала холопу, сидевшему за жерновами. Вращая каменный круг, парень улыбался ей в ответ. Приятно было посмотреть на девушку, которая даже среди мрачной зимы хранит в себе кусочек весеннего света.

Отчего она красна?
Во сыром бору росла...

Но уж в чем, а в способности предвидеть будущее боги Веселке отказали. Заслышав наконец в сенях шаги, она радостно вскочила с места и уже готова была бежать к дверям, но тут через порог вместо ожидаемого Громобоя шагнул его отец, и Веселка в растерянности села обратно, прямо на свое брошенное шитье. Следом за Вестимом показался кузнец Овсень, а потом Беляй.

Завидев Беляя, Веселка даже скривилась от досады. Сейчас ей хотелось видеть его еще меньше, чем во всякое другое время: его молчаливо-обожаящие глаза вытягивали тепло ее души, и потому он казался страшным, как сам Зимний Зверь. Только маленький.

Чего ему опять надо? И Овсень, и Вестим... И вдруг Веселку осенило такое нехорошее подозрение, что она вскочила с лавки и, даже не здороваясь с гостями, скользнула за занавеску, которая закрывала от двери их с Волошкой лежанку. И решила не показываться, пока не позвуют.

– Дому мира и богатства, хозяевам здоровья и довольства! – Вестим, вошедший первым, поклонился сразу в несколько сторон. В потемках он плохо видел и не сразу разобрал кто где.

– Заходите, будьте гостями! – удивленно, но приветливо отозвалась Любезна и мигнула Волошке подать гостям веничек – обмести снег с одежды.

– Чего это вы разоделись-то так? – не сообразив, удивился дед Знамо Дело, с ног до головы осматривая гостей. Отец и сын были наряжены в покрытые цветным сукном полушубки с плетеными поясами, в шапки с куньей оторочкой. – Прямо купцами глядите!

– Да у нас как-то... дело торговое! – Овсень смущенно хмыкнул.

– Мы к вам, купцам, с торговым делом! – начал Вестим, которому обряд сватовства был уже довольно привычен. Усевшись к столу, он, однако, не притрагивался к пирогу и сметане, которые торопливо выложили Любезна и Волошка. Его озабоченность, которую он напрасно пытался скрыть за бодростью, его смущенно-торжественный вид ясно сказали Хоровиту, что кузнецы пришли не предлагать ему серпы и топоры. – Мы к вам пришли торговать не рожь, не пшеницу, не лисицу, не куницу, а красную девицу. Вот, кузнец Овсень, а вот сын его Беляй, – Вестим по очереди оглянулся к тому и другому, сидевшим по бокам от него. – Хотят сторговать твою дочь Веселку. Давай подумай, как бы нам дело сделать в чести да в радости. Отдашь ли нам девицу, много ли за нее просишь?

Хоровит не сразу нашелся с ответом. Сватовство кузнецов не было для него полной неожиданностью, но сейчас его мысли были слишком далеки от чего-то подобного. Обычно разговорчивый, сейчас он растерянно молчал. Он знал, конечно, что Овсень сын Беляй с радостью взял бы за себя Веселку, но знал и то, что Веселку его сватовство не обрадует. Вот если бы Вестим привел с собой не Беляя, а Громобоя...

В поисках помощи Хоровит оглянулся на жену. Любезна выглядела недовольной: она заметила поспешное бегство Веселки и достаточно хорошо знала свою дочь, чтобы не приписывать это радостному смущению.

– За честь спасибо, да уж больно время нехорошее! – прохладно ответила Любезна, напрасно стараясь казаться учтивой и радушной.

И она не кривила душой: независимо от того, хорош ли жених, время разгула зимних чудовищ не казалось ей подходящим для сватовства.

– Время теперь не молоком и медом течет, да как бы не было хуже! – заметил Вестим. В душе он был согласен с хозяйкой, но обязанность свата требовала настаивать. – Надобно жить, пока живется, да на богов надеяться. Наша судьба что дорога в лесу – крива, колдобиста, да до дому доведет. А жених у нас хороший, роду честного, достаточного, собой хорош, нравом ровен. И дочка ваша ему полюбилась – не обидит.

– Челядь есть, работой молодую не уморим, – подал голос Овсень. – Сын старший...

– А что, люди хорошие! – подал голос Нахмура. – Может, и сам еще парень в купцы выйдет!

– Отчего же не выйти? – Видя, что дело поворачивается неплохо, Вестим ободрился, перевел дух и стал держаться поживее. – Парень умный, толковый.

– Да что-то моя девка... – Хоровит неуверенно оглянулся в сторону занавески. – Веселка! Выйди-ка к нам!

Непривычно хмурая Веселка выбралась из-за занавески и теребила кончик косы, подчеркнуто избегая смотреть на Беляя. Сидя за занавеской, она, конечно, слышала все до последнего слова. Ее била неудержимая и весьма неприятная дрожь. Она знала, что родичи не станут ее неволить, если к жениху не лежит сердце, но от самой мысли, что Беляй пришел свататься, ей делалось почти так же страшно, как вчера, когда санки несли ее прямо к белым клыкам Зимнего Зверя. Будто и здесь ей грозит черная пропасть, готовая поглотить... Веселка сама удивлялась своему страху. Никогда раньше она не мечтала о замужестве, но не предполагала, что возможность его повергнет ее в такой ужас. В этом тоже был виноваты Зимний Зверь и та

неясная тревога, что темной тучей висела над крышами. Ведь когда Байан-А-Тан звал ее к себе в терем, намекая, что «княгиней будешь», она только смеялась в ответ, но ничуть не боялась. А теперь... Будто утопить грозят... Как будто, согласись она, надломленная ось мира сломается окончательно и рухнет... Да чего, вроде бы, такого? Все замуж идут, каждой когда-нибудь придется... Но то, что для «всех» было обычным, Веселка не могла и не хотела применять к себе. И то, что Беляй так сильно не нравился ей, облегчало дело. Веселка не имела привычки задумываться над собственными чувствами и побуждениями, но сейчас явственно ощущала, что ее страх порожден не только неприязнью к Беляю. Что-то здесь не то...

Но не время было раздумывать над всем этим. В своем ответе Веселка не сомневалась, и дать его надо было как можно скорее. Чтобы они побыстрее ушли и оставили ее в покое...

– Ну, дочка, ты-то что нам скажешь? – окликнула ее Любезна.

Веселка открыла было рот, но закрыла снова. Не поднимая глаз и стараясь даже мельком не глянуть в сторону Беляя, она подошла к печке и села прямо на пол возле нее.

Это был ответ, переспрашивать не требовалось. Если невеста садится к столу – высматривает дорогу из дома. А если к печке – держится за чуров и дом покидать не хочет. Сваты и хозяева медлили взглянуть друг на друга.

– Недоброе время для сватовства! – прервала молчание Любезна. – И рад бы на мед, да пчелы жалят! Надо бы повременить. Волхвов порасспросить. В недобрый час дело начать – добра не видать.

– Может, не судьба... – вздохнул Овсень.

Веселка сидела у печки, спиной к гостям, и ждала, когда они уйдут.

– Ничего, – сказал Беляй, и даже звук его голоса причинял Веселке настоящее мучение. – Я обиды не держу.

Вот наказанье! Веселка видела в этом только обет и впредь мучить ее молчаливым обожанием и не могла даже пожалеть его. Что же это за человек, если он и обидеться толком не может!

Неудачное сватовство Овсенева сына Беляя за Хоровитову дочь Веселку было последней попыткой прямичевцев отмечать новогодние праздники весельем. В оставшиеся несколько дней на посадских улочках было тихо. Небо оставалось пасмурным, день и ночь шел снег, так что каждое утро хозяева начинали с того, что расчищали засыпанный за ночь двор. Снега набиралось по колено, кое-где оказывалось засыпанным и крыльцо; если бы не мудрость предков, догадавшихся именно на такой случай делать дверь из сеней во двор открывающейся вовнутрь, то из домов было бы невозможно выйти. Мужчины и парни разгребали снег от крыльца к воротам, потом тропку вдоль своих ворот, и в то же время им на головы падали новые хлопья снега, на глазах уничтожая только что сделанную работу. Казалось, от снега трудно дышать, словно сам воздух в нем путался. Серая тьма висела над Прямичевом в полдень, быстро переходя в сумерки. И сумеркам не виделось конца. В прошлом году в это время уже было заметно небольшое прибавление дня, а теперь из-за снегопадов ни прибавления, ни хотя бы самого дня различить не удавалось.

– Снег – к урожаю! – утешали старики. – А облака – значит, молока будет много!

Но благоприятные приметы радовали мало. И каждый уже с нетерпением ждал, когда же закончатся долгие праздники, когда колесо нового года, перевалив самую трудную пору, закрутится быстрее и покатится к весне.

Последнюю ночь новогодних праздников Веселке предстояло провести в Велесовом святилище: весной в Лелин день ее выбрали «играть Лелю», и потому она, как самая красивая девушка города, в Велесов день должна была исполнять обряд вождения коровы. Когда вечером все семейство собиралось на покой, Веселка принялась одеваться. Хоровит с Милехой хотели ее проводить, но она отказалась: при мысли о святилище она испытывала трепет и ей хотелось расстаться со всем домашним как можно скорее.

– Не ходи одна! – сердилась Любезна. – Сама ведь знаешь...

Зимний Зверь продолжал выть каждый вечер, но теперь уже никто в Прямычеве не смел называть его имя.

– Если встретится, отец не поможет, только сам даром пропадет, – без обычного веселья отвечала ей дочь. – Я уж сама... Если судьба, так от нее не спрячешься. Да ничего! – Видя вытянутые лица родичей, она постаралась улыбнуться и махнула рукой. – В таком снегу и он не разглядит ничего.

Веселка улыбалась по привычке, но на самом деле ей было неуютно. Весь Прямычев с ужасом прислушивался к ночному завыванию Зимнего Зверя, а Веселка втайне была убеждена, что сын Зимерзлы приходил именно за ней. Как в кощунах: двенадцатиголовый змей требует дань – самую красивую девушку. А кто в Прямычеве самая красивая? Ну, вот... Выйти одной в зимний вечер, идти по пустым улицам и ждать, что из разрыва серых туч вдруг выскочит жуткий зверь, было страшно, но непонятная сила тянула Веселку туда, в снега, под слепое неподвижное небо. Если Зимний Зверь – ее судьба, то она сама должна его встретить... Родичи здесь ни при чем. И в то же время в ее беспокойстве не было страха смерти: та же сила, что тянула ее из дома, охраняла Веселку. Это боги зовут ее... Это Велес, которому посвящены последние дни и последние обряды новогодних праздников.

И никто больше не настаивал на том, чтобы ее провожать. Даже Любезна молчала: в лице Веселки ей вдруг померещилось что-то особенное. Немногие последние дни переменили ее: прежняя беспечность не так чтобы совсем ушла, но затаилась, уступила место новому чувству, как будто Веселка вдруг более пристально взглянула в мир, в котором прожила семнадцать лет, и теперь старается в него вникнуть. Во взгляде ее появились любопытство и удивление, словно через ее глаза в белый свет смотрит новое, чистое существо, впервые в него попавшее. Веселка выглядела спокойной, деловито собиралась, складывала в узелок нарядные рубахи с вышитыми подолами, чтобы надеть их завтра; руки ее делали свое дело, а во взгляде была тихая растерянность, будто девушка не совсем понимала, где она. Было время, когда Любезна обрадовалась бы спокойной собранности своей резвой и легкомысленной дочери, но сейчас мать наблюдала за Веселкой почти со страхом. Ее как будто подменили. И в том был еще один грозный признак того непонятного и угрожающего, что ощущали по-своему все.

– Велес уберезет, – шепнул жене Хоровит. – К нему же она идет...

Любезна промолчала. У нее было чувство, что дочь ее уходит не в святилище на другом краю улицы, где проведет всего лишь вечер и ночь, а прямо в Велесово подземелье на всю долгую зиму, как сама богиня Леля. Ну уж ее совсем, этой чести!

Волошка укачивала Досташку, сонным голосом тянула песню, с которой ее саму укачивала когда-то Веселка, будто нанизывала красивые крупные бусины одну за другой на длинную нитку:

Баю-бай, Досташенька, дитятко,
У нас у Досташеньки по локоть руки в золоте,
У нас у Досташеньки по колен ноги в серебре,
Во лбу солнце, в затылке месяц...
Ой ты будешь, девица, красотой красна,
Красотой красна и ростом высока,
Да лицо-то будет как и белый снег,
Да и щеки будут точно маков цвет,
Очи ясные, как у сокола,
Брови черные, как два соболя,
Как по улице пойдешь,
Ровно лебедь поплывешь...

Веселка слушала, опустив на колени платок и забыв о нем. Хорошо знакомая песня увела ее куда-то далеко: этой песней звал ее к себе светлый Надвечный мир, где обитают боги. Он всегда зовет к себе тех, кто может его услышать... Так поют издавна, это – только песня, но ведь где-то и в самом деле есть эта красота: белая, как снег, румяная, как алый цвет зари, с солнцем во лбу и с месяцем на затылке... Богиня Леля, Весна-Красна, живое воплощение всей красоты и юности мира... Сейчас она далеко, в Велесовом подземелье, и чтобы вызволить ее оттуда, сам Перун однажды возьмется за свои огненные стрелы-молнии и в битве грозы разобьет и прогонит темного Велеса... Но богу надо помогать. И ей, Веселке, сейчас надо встать и идти, чтобы Перун одолел Велеса в новой Битве Богов, чтобы расступились Ледяные горы, чтобы вышла в мир Леля-Весна... И где пройдет она, там тает снег и расцветают цветы, куда глянет – там поют птицы, и от рук ее исходит свет, озаряющий небо и землю...

Перечень будущих достоинств красавицы помалу перешел в невнятное бормотание: было похоже, что сама Волошка заснет раньше младшей сестры. Веселка опомнилась, оглядела привычную избу, и та, как увиденная впервые, показалась такой красивой и уютной, что ей стало жаль уходить. Но она только вздохнула и взяла узелок. Пора.

Выбравшись со двора, Веселка быстро пошла вниз по улице к берегу Ветляны, к святилищу. Когда она вышла, ей показалось, что снег перестал, но потом она заметила, что он идет, но совсем мелкий, как невесомая пыль. Он был почти невидим, но так густ, что лицо постоянно холодили невидимые иголочки. И когда он насыплет сугробы и толстым одеялом покроет все дневные следы, только удивись: откуда взялся? Вместо широких посадских улиц теперь виднелись узенькие тропинки между сугробами, но и на этих тропинках цепочки следов уже были наполовину засыпаны. Идти было трудно, и Веселка скоро запыхалась. Путь к Велесову святилищу, который летом был коротким, теперь представлялся утомительно длинным.

А вокруг была тьма, густая, как глубокая вода. Темные, молчаливые избы дремали за тынами, ветер развеял запах дыма. Пряничев засыпал, постепенно погружаясь все глубже в последнюю ночь, когда с Явью соприкасается Навь. Было совершенно тихо, ворота не скрипели, собаки не подавали голоса. Многолюдный город казался вымершим, и Веселке было страшно ощущать себя последней искрой живого тепла, что еще смеет шевелиться среди застывшего безмолвия зимней ночи. Когда-то Сварог забросил в Бездну искры огня, из которых возник белый свет, – и как же, должно быть, страшно им было! Где-то за пеленой облаков катилась луна, но не могла найти ни единой дырочки, чтобы бросить на землю хотя бы луч. В рассеянном свете белесых облаков снег отливало синевато-серым и слегка поскрипывал под ногами, так что хотелось обернуться и посмотреть, не идет ли кто следом.

Веселка шла как могла быстро, уже чувствуя, что ей не хватает дыхания, с трудом вытаскивая ноги из пушистого, но вязкого снега. Она не могла отделаться от чувства, что ее провожает чей-то бессмысленно-голодный взгляд. Спящий город, полный людей, был словно в другом мире, отделенном от нее прозрачной, но непроницаемой стеной, она была одна здесь, наедине с зимой и ее темными чудовищами. Хорошо знакомые улочки казались чужими, и Веселка шарила взглядом по тынам, как по деревьям в лесу, заблудившись. Она знала эти места и не узнавала их; город стал собственным призраком и зажил по другим законам. Казалось, она вот так и будет вечно идти во тьме по сугробам и никогда никуда не придет. Хотелось крикнуть, но было страшно подать голос. Веселка жалела, что пошла в святилище, и в то же время помнила, что иначе нельзя. Ведь утро проходит через ночь, а весна через зиму. Другого пути нет – но как страшно весне на этом пути!

Когда за углом тына показалась рослая фигура, Веселка ахнула, шагнула назад, наткнулась на сугроб и села на снег, достававший ей почти до колен. Прямо на нее шел дивный великан – ночной кошмар, что душит спящих, огромный, темный, без лица. И он был на этих пустых заснеженных улицах гораздо более к месту, чем она. Теперь его время...

– Э, ты чего? – окликнул ее великан знакомым грубоватым голосом. – Утомилась? Да ты встань, а то того... Застудишься, никто замуж не возьмет.

Не дождавшись ответа, он подошел и легко поднял Веселку на ноги. Она вцепилась обеими руками в его руку и не выпускала: от облегчения ей было трудно стоять.

– Чего это тебя занесло в такую пору да одну? – небрежно полюбопытствовал «великан». – То на гулянье клещами не вытянешь, а то вдруг...

– Громобой! – выдохнула наконец Веселка. После затмения и ссоры они еще не виделись, и теперь она была и рада ему, и обижена на него. – Это ты, рыжий медведь! А я уж думала...

– А ты еще и думаешь иногда? – насмешливо осведомился Громобой. – Что-то по тебе не видно!

– Ты про Беляя? – Веселка не стала делать вид, что не поняла. – Это он не видно, чтобы думал. Моя мать говорит: какая теперь свадьба?

– А ты, значит, матери послушалась? – Громобой явно ей не поверил.

– Нет! – храбро и даже с вызовом ответила Веселка. – Мне, может быть, кто-то другой нравится.

Она не стала продолжать, и Громобой ничего не сказал.

– А ты-то откуда идешь? – снова заговорила Веселка. – Вроде для гулянья-то поздно.

– Какое гулянье? – Громобой показал ей топор, который держал в другой руке. – Вот, отец послал...

– Уж не на Зверя ли собрался? – Веселка усмехнулась и тут же закрыла рот рукавицей: называть Зверя по имени нельзя! – Давно пора! Кому, кроме тебя, – ты же сын Перуна! Вот нам дед недавно кощуну рассказывал...

– Ты куда идешь-то? – перебил ее Громобой.

– К святылищу.

– Ну так пошли. – Громобой потянул ее из сугроба обратно на тропу. – Нечего тут сидеть, навий дразнить.

– Давно тебе пора! – продолжала Веселка на ходу. Наконец-то она нашла хоть кого-то, с кого можно спросить ответ. – Нам этот морок все праздники поломал, а ты то гуляешь, то спишь целыми днями. Спросил бы у Знея, чем его лучше взять, да и пошел бы...

– А ну его! – Громобой махнул рукой. Он-то совершенно не собирался отвечать за все беспорядки в мироздании. – На всякие драки князь и дружина есть. А тут за год молотом намахаешься, так хоть бы в праздник поспать. И то не дадут. Что я, холоп вам достался, один за всех пахать?

– Ты сын Перуна или не сын? – не отставала Веселка.

– А я почему знаю? За этим делом, знаешь, не уследишь!

– Нет, сын! – настаивала Веселка, точно Громобой пытался уклониться от своей обязанности. – Вестим рассказывал, и волхвы сказали. Значит, с нечистой воевать – твое дело! А тебе бы только медведем рядиться да тыны чужие заваливать! А пока человек делом не занят, он дитя неразумное, а не человек! Понятно тебе?

– Чего ж тут непонятного?

Несмотря на всю горячность Веселки, в увлечении забывшей страх перед темнотой и Зимним Зверем, Громобой оставался спокоен. Внимательно поглядывая по сторонам, он, похоже, не очень-то ее и слушал. Идти вдвоем по узкой тропинке было невозможно, Громобой пропустил Веселку вперед, но она все время оборачивалась к нему, спотыкалась, садилась на сугробы, так что вскоре стала с ног до головы белой.

– Столько силы тебе дано, а ты с ней что делаешь? – приставала она. – Быка тогда заломал, а пока новый бык подвернется, что будешь делать?

– После праздников приходи к нам в кузню – увидишь.

– Молотком махать и Солома может! Для этого от молнии родиться не надо! Твой отец в небе громами гремит, нечисть бьет, а ты будешь за печкой сидеть тридцать лет и три года! Пока крыша на голову не упадет, и не почешешься! Ты с этим твоим топором не по улицам бродил бы, а пошел бы на гору к Знею, чтобы он тебе его освятил именем Перуна, и...

– Ох, краса ты ненаглядная! – Громобой перебил ее и вздохнул, как будто устал слушать. – Это не жизнь, а кощунство получится. Как княжич Заревик на Змея Горыныча ходил и Солнцеву Деву освобождал. Это мы все слышали, еще пока по малолетству без штанов ходили. Пусть твоя малышня с деревянными мечами мечтает, что все так просто – пошел да победил. Сначала понять надо, кого побеждать, чтобы потом хуже не было. Ну, убью я, допустим, Зимерзлиного волка, а потом что? Без зимы жить? Всегда осень будет? Или что? Расскажи мне, убогому, раз такая умная.

Веселка молчала. Она вспомнила, что дед Знамо Дело говорил то же самое, и теперь выходило, что умный как раз Громобой, а она не умнее Волошки, которая мечтала, чтобы всегда было тепло. Но Веселка сердилась на эту правоту: так хотелось, чтобы враг нашелся и был побежден! Чтобы все опять стало хорошо и спокойно!

– А что-то пока зима кончаться не хочет, – чуть погодя негромко сказала Веселка. – Ты видел, старче мудрый, чтобы день хоть на волос прибавился? Теперь что, всегда зима будет? Что случилось?

Это был самый главный вопрос, с которого давным-давно надо было начать. Что случилось? Что сломалось в мироздании, что выгнало из норы Зимнего Зверя?

– А вот ты знаешь людей, кто поумнее меня, у них и спроси. – Громобой показал ей на ворота святилища, до которых они незаметно дошли. – А если по-моему...

– Что? – Веселка, уже шагнув к воротам, быстро вернулась и опять вцепилась в руку Громобоя, чтобы он не передумал и не убежал от ответа.

– То жить надо по-людски, свое дело делать, тогда и в небе все по порядку пойдет. А тебе надо не дурака валять, а замуж идти. Сватается за тебя хороший парень – так и иди, чего тебе еще надо? Не все же по роще в веночке бегать, надо когда-то и детей рожать. А то Звери всех поедят и род человеческий кончится. Ты вот меня все на дело призываешь, а на себя-то погляди! Если бы все, как ты, об одних плясках будут думать, вот тут волкам самое раздолье придет!

– Уж очень ты умный! – От негодования Веселка не нашла никаких более умных слов. – О чем взялся рассуждать! Да какое твое дело, за кого я замуж хочу, а за кого не хочу! Ты мне не указ! Как мне жить, я сама догадаюсь, тебя не спрошу!

И не ожидая, придумает ли он что-нибудь в ответ, Веселка побежала в ворота святилища. Ей было так горько и досадно, что даже горло сжималось, как перед плачем. Все в ней бурлило, и она даже не знала, что разозлило ее больше: отказ Громобоя что-то делать ради изгнания Зимнего Зверя или его равнодушие к ней самой. Чтоб ему провалиться, рыжему медведю!

Двор Велесова святилища был даже больше княжеского; пустой и занесенный снегом, сейчас он казался огромным, как целое поле. Напротив ворот возвышалась просторная хоромина, по сторонам отходили две длинные пристройки, выгнутые вдоль внутренней стороны тына. В темноте было похоже, что большеголовый великан сидит на земле, обнимая весь двор огромными руками. В пасть великана – в двери хоромины – была расчищена тропинка. На дворе горел большой костер, который поддерживался все двенадцать новогодних дней. Возле огня сидел на охапке дров Моргун – блаженный дурачок, щуплый человек непонятных лет, с невзрачным лицом и бесцветной бородачкой. Веселка кивнула ему, стараясь успокоиться и забыть о Громобое. Моргун радостно закивал в ответ, щурился.

По пути через двор Веселка замедлила шаг: ей было неловко заходить в обиталище бога такой взбудораженной и сердитой. Тогда она свернула к хлеву, стоявшему позади святилища

внутри ограды. Здесь среди прочих жила священная корова, вместе с которой Веселке предстояло завтра обходить улицы Прямичева.

В хлеву было темно, тепло и пахло навозом. Здесь стояло несколько коров, в основном черных с белыми пятнами, а в самом дальнем углу помещалась еще одна, крупная, совсем черная, с единственной белой отметиной на лбу – Мать-Туча. Молоко ее считалось целебным, а рогатые черепа прежних Матерей-Туч были развешаны на кольях тына, охраняя богатство и благополучие города.

Веселка бывала здесь нередко и ошупью пробралась к Матери-Туче. Корова лежала на соломенной подстилке и изредка вздыхала, помывкивала вполголоса, словно жаловалась на скуку. Черная, с раздутым, как мешок, огромным брюхом, она и в самом деле напоминала тучу.

– Здорова ли, матушка? – негромко приговаривала Веселка, присев возле ее головы и почесывая корове лоб. Рога у Матери-Тучи росли не как у всех, а были изогнуты лесенкой. – Застоялась ты здесь, заскучала. Завтра выведем тебя погулять.

Сунув корове печенье-коровку, захваченное из дома, Веселка поднялась и пошла наружу. После хлева на дворе было свежо, и теперь Веселка чувствовала себя свободной от страха и досады. Теперь можно идти.

Просторная хоромина сейчас была пуста, только перед идолом Велеса, перед черным камнем-жертвенником, поблескивал лепестками пламени небольшой костерок. Он освещал только подножие идола, обвитое вырезанным из дерева змеем, а верхняя половина с рогатой головой была совсем не видна. Бегло глянув вверх, в темноту, Веселка робко поклонилась. Перед мудрым богом, хозяином всех земных и подземных богатств, она чувствовала себя маленькой и глупой. Казалось, он знает про нее все, даже про ее ссору с Громобоем. И Веселка устыдилась: если взглянуть на дело сверху, как смотрят боги, то Громобой во многом прав... Хотя кто ему дал право ее учить? Если он сын Перуна, то это еще не повод... Веселка просительно посмотрела вверх, но тут же отвела глаза. Смертоносный взгляд Подземного Пастуха прикрыт железными веками, но все же и на них лучше не смотреть. Не могут боги такого желать, чтобы она сама себя силой выдавала замуж! Если цветку не время цвести, то не надо силой отгибать ему лепесточки! Веселка всей душой верила, что мудрый Пастух Подземных Стад знает какой-нибудь другой способ помочь мировому порядку. Ведь на нем, на его могучих выносливых плечах, этот порядок стоит.

И ей становилось спокойнее, словно покой, как тихая вода, струился оттуда, сверху, от невидимого лица темного бога. Велес – не Перун, пылкий и бурный, что летом громыкает громами и сверкает молниями, а на зиму укладывается спать в темную тучу и даже не видит, что творится на оберегаемой им земле. Велес – мудрый и спокойный бог. Его еще зовут Неспящим, потому что он с неизменным упорством делает свое дело – зимой и летом, днем и ночью. Он – корень мира, в нем собирается вся память предков, всех живших на земле людей. Он сам – как общий дед, все понимающий и способный дать мудрый совет. Веселка постояла с закрытыми глазами, стараясь услышать хоть что-нибудь. Но было тихо, и лишь спокойная, отрадная умиротворенность согревала ее душу. Сам этот храм был как подземелье, полное покоя, куда не достают ни ветры, ни громы, ни тревоги, где уставшая богиня может отдохнуть и набраться сил для новой весны...

Вдруг она заметила, что перед маленьким костерком сидит кто-то высокий, бородатый, и вздрогнула – сам Велес вышел из темных теней на ее мысленный зов! И тут же от сердца отлегло: Веселка узнала Щекату.

– Напугал ты меня, батюшка! – ахнула Веселка, потом запоздало поклонилась: – Добрый вечер!

Щеката молча кивнул ей. Веселка помедлила, потом присела на маленькую скамеечку напротив него.

– Может, ты мне расскажешь, батюшка, что же такое делается? – помолчав, спросила Веселка. Этот самый вопрос она хотела бы задать самому Велесу. – Почему вдруг Зимний Зверь с облаков сошел и на людей стал кидаться? Вот, ты как-то говорил, что мы богов прогневили... А люди говорят, что старый князь Молнеслав их разгневал, когда брата убил. Но это ведь когда было! Сто лет назад! Если он виноват, почему боги нас только теперь наказывают, когда сам князь Молнеслав уже лет пятнадцать как умер? Или здесь другое что-то? И почему столько снега? Почему не видно, чтобы день прибавился? Разве так бывало?

Щеката все молчал, и Веселка уже подумала, что он не хочет отвечать на ее вопросы. Он смотрел в огонь и пошевеливал в пламени тонкой веточкой. Конечно, Веселка знала, что не ее ума дело разбирать князей и богов. Но вокруг было тихо, как будто она сидит в самом сердце мира и мир прислушивается к ней; сам темный воздух храма был пронизан мудростью его подземного хозяина, и она верила: если Щеката что-то знает, теперь он ей скажет.

– Думается мне, что корень всех бед наших не здесь, – наконец сказал он. – И Зней знает, да молчит. А что молчать? Никого еще неведение не спасало. Я ему и говорил: чем раньше люди узнают, тем раньше думать начнут, как из беды выбираться. А корень-то не здесь...

– А где? – тревожно спросила Веселка, не совсем поняв, о чем он говорит.

Щеката опять помолчал.

– Знаю я одно, – сказал он чуть погодя. – Все, что в земном мире происходит, на Надвечном отражается. И наоборот. Что с людьми, то и с богами, что с богами, то и с людьми. Может быть, корень-то беды в Прави, а стебелек у нас в Яви пророс.

– Как же это узнать? – прошептала Веселка.

Простые слова кощунника так потрясли ее, что она растерялась и как-то разом ослабела. Любая беда не так страшна, если надеешься на помощь богов. Но если сами боги в беде и ждут помощи... От кого? Как им помочь? Что могут сделать для них люди? И какая опасность может грозить богам? Веселке уже представлялась черная пропасть, и из этой пропасти веяло мертвящим холодом. Туманная, непонятная беда, пугавшая зимними чудовищами и глядевшая ей в лицо глазами тьмы, вырастала до огромных, вселенских размеров.

– Вот, завтра будет Веверица в воду глядеть – может, и высмотрит чего. – Щеката кивнул в темную глубину хоромины.

– А я еще что подумала, – опять начала Веселка, и против воли говорила чуть слышно, будто боялась звуком голоса привлечь ту черную пропасть. – Я все думаю: ведь Громобой – сын Перуна. Может быть, он может чем-то помочь. Ведь Перун нечисть одолевает... Ему столько силы дано... Если что-то такое... – Она запнулась, не зная, какое название дать тому вселенскому страху. – Он что-то может сделать...

Она опять запнулась, потому что желать и требовать гибели зимних духов ей самой уже казалось глупым. А рядом с той пропастью, что ей мерещилась, и сам Громобой казался маленьким и слабым. Если сам Перун слаб, чтобы бороться с этой бедой, то что может Громобой, когда в нем от Перуна не больше половины?

– Громобой! – Щеката тяжело вздохнул, словно это имя уже стоило ему множества нелегких раздумий. – Сила-то в нем по жилочкам переливается, а к ней еще ум нужен. Чтоб подсказал, куда силу девать. А когда ум молчит, а сила наружу рвется, то много бед она натворит. Сила без ума – что бешеный бык. И себе не хорошо, и всем вокруг плохо. Да всегда так и бывает. Вот когда наоборот – об этом хоть кощуну складывай.

– Что ты там вещаешь, вещун? – проскрипел из-за идола недовольный старушечий голос.

Веселка подняла глаза: из-за Велеса, как из-за огромного дерева, показалась Веверица – ведунья, жившая в святилище столько, сколько Веселка себя помнила. Сейчас это была крошечная, высохшая старушка, при взгляде на которую делалось тревожно – упадет да и переломится. Но маленькое морщинистое личико ее дышало упрямством, острый нос охотно совался во все щели, быстрые глаза, выцветшие почти до прозрачности тающей льдинки, заме-

чали любую мелочь. Несколько прядок тонких, белых, как болотный пух, волос висело из-под темного повоая. Вид у старухи был угрюмый, недовольный и вместе с тем усталый.

– Что случилось да что приключилось! – язвительно дразнила она, вспоминая вопросы, которые так часто задавали ей в последние дни. – Катится солнышко на самое доньшко, а пока до дна не донырнет, и наверх ему нет пути! Не дошли мы еще до дна до самого. Терпи! – строго велела она Веселке, будто той было предназначено какое-то особое испытание.

Веселка поежилась: ей было страшно смотреть на Веверицу. В ее морщинистом лице было что-то нечеловеческое, отстраненное, даже диковатое, как у Лесной Бабы, что съедает детей и девушек. В ней говорила та злая и непонятная судьба, которую Веселка пыталась себе объяснить. Катится солнышко... Белый свет катится вниз и до дна еще не достал... А так хотелось, чтобы самое плохое уже было позади, чтобы впереди виднелась ясная дорога вверх, чтобы светила надежда... Так бы и полетела сейчас к этой надежде, откуда бы силы взялись! «Терпи...» А Веселка уже не могла терпеть, все ее жизнерадостное существо изнывало и томилось жаждой света, воли, уже искало в небе ту молнию, что разобьет оковы зимы... И Веселка отвела глаза, будто пряча от Веверицы свои несвоевременные порывы к весне.

– Что-то ты, мать, сердита сегодня! – отметил и Щеката. – Не ко времени бранишься. Завтра – большой день. И тебе надо веселой быть, чтобы весь год был веселый.

– Веселый! – повторила старуха. – Какое тут веселье, когда сердце не на месте. Будто побили меня...

Зиму назад она тоже ощущала себя побитой – тогда была война и князь Держимир водил войско в поход.

– Ты чашу-то глядела? – спросил Щеката. – Не почернела?

Священная гадательная чаша, вылепленная по образцу Макошиной небесной Чаши Годового Круга, хранилась под замком и вынималась только раз в году – в зимний Велесов день. Если ее глиняные бока оказывались почерневшими, это служило дурным знаком. В ту зиму перед войной она тоже оказалась черной.

По бокам идола стояло два ларя, окованных серебряными полосами и поднятых на высокие резные подставки. В одном хранились Щекатины гусли, а в другом – гадательная чаша. Горбясь больше обычного, Веверица подошла к своему ларю и стала дрожащей рукой всовывать железный ключ в прорезь бронзового замка. Веселка не удивилась, что ведунья не ждет до завтра: должно быть, даже ее сердце, твердое, как обожженная глина, больше не могло выдержать гнетущей тревоги. Ведунья привыкла жить у подножия идола; у нее не было никаких собственных забот, вся она была как бы одним ухом, чутко ловящим голоса земли и подземелья, пристальным глазом, находящим предвестья в полете облаков. Она видела и слышала гораздо больше, чем юная беспечная девушка, занятая простыми житейскими делами.

Веселка смотрела, как Веверица возится с замком, и при взгляде на ведунью у нее тревожно и больно сжималось сердце. Весь мир для нее сжался и уместился в этот темный храм, где были только они трое: она, Щеката и Веверица. Эта старая сторбленная женщина казалась ей одной из последних опор мироздания – что будет, если она не выдержит?

Наконец Веверица попала ключом в прорезь и нажала. Раздался легкий скрип, один из двух бронзовых туесков замка опустился, освободив дужку. Старуха вынула замок из петель и положила на пол.

– Давай огня, – бормотнула она Веселке.

Веселка отошла к костру перед идолом, вытащила из связки лучину, зажгла ее и поднялась с колен. Позади нее вдруг охнула Веверица; голос ее показался странным, словно старухе на шею набросили петлю. Вздвогнув от неожиданности, Веселка обернулась: Веверица стояла над поднятой крышкой ларя, подняв руки, как в сильном испуге. Взгляд ее, устремленный внутрь ларя, застыл, как замороженный.

В груди у Веселки что-то оборвалось. Поспешно подойдя, она подняла лучину и заглянула в ларь. И чуть не выронила лучину из задрожавших пальцев. Широкая глиняная чаша лежала на дне ларя разбитая, так что каждый из знаков двенадцати месяцев оказался на отдельном осколке, а дно осталось, похожее на глиняную чашку с неровно обломанными краями.

Не веря своим глазам, Веселка отшатнулась, зажмурилась; во тьме плавали размытые огненные пятна. Переждав, пока они погаснут, Веселка осторожно открыла глаза, снова подняла повыше руку с лучиной. В это невозможно было поверить, даже стоя над осколками, но страшное зрелище не исчезало: священная чаша была разбита.

– Да как же... Да что же... – потрясенно и бессмысленно прошептала Веселка. – Заперто же было...

Щеката, подошедший вслед за ней, тоже смотрел в ларь и молчал. Все трое понимали, что люди здесь ни при чем. Не бронзовый замок охранял священную чашу. Ее разрушило мертвящее дыхание той самой Бездны, которая дала волю Зимнему Зверю. И это тоже был знак. Веселка смотрела на глиняные осколки, и на нее все тяжелее наваливалось ожидание, что сейчас сам небесный свод вот так же расколется прямо у нее над головой.

Веверица тяжело опустилась на скамеечку. Не окажись скамейки позади нее, она могла бы сесть и на пол. Лицо старухи было таким бледным и мертвенно спокойным, словно у нее остановилось сердце. И Веселка подумала, что ведунья, служившая священной чаше, с ее гибелью тоже должна умереть.

– Что с тобой, бабушка? – умоляюще воскликнула Веселка, словно просила старуху взять себя в руки и не лишать ее надежды. – Не надо, еще обойдется... – как неразумного ребенка, принялась она утешать старуху, не прислушиваясь к своим словам, и тронула Веверицу за плечо.

– Ох, Вела – матушка! – наконец выдохнула Веверица. Но лицо ее оставалось таким же неподвижным, а взгляд не отрывался от стенки ларя. – Сколько лет живу, а такого не видала. Я думала, мало ли чем не угодили... Кто же думал, что всему свету конец...

– Какой конец? – в бессознательном несогласии воскликнула Веселка. – Не говори так.

– Да что же говорить? – уныло и безнадежно отозвалась Веверица. – Я свое пожила, а вот тебе, голубка моя, поседеть, видно, не придется.

– Но как это могло быть? – наконец спросила Веселка.

Старуха оторвала взгляд от ларя и подняла на нее глаза. Но взгляд ее оставался пустым, как у рыбы, и у Веселки похолодело в груди. Весь облик старухи был полон такой безнадежности, что Веселка не могла собрать в себе сил, чтобы надеяться. Лучше бы ведунья причитала, бранилась, грозила клюкой небу и земле; это спокойствие говорило о том, что теперь все бесполезно.

– Не знаю, – тяжело, по-старушечьи вздохнула Веверица. – Чего мы там раньше знали, то теперь не пригодится. Мудрость наша теперь без надобности, теперь сила нужна... Да где ее взять?

Никогда раньше она не вздыхала так. Ее маленькое тело, как железное, не знало усталости. А теперь она вдруг показалась такой же утомленной, больной и слабой, как все старухи. Ее знание бесполезно... Веселка прижала руки к груди, словно хотела проверить, не убавилось ли чего-нибудь в ней самой.

– Так и выходит, как я тебе говорил, – негромко сказал у нее за спиной Щеката. – Раз чаша разбилась, значит, корень нашей беды у богов. В Прави. Что вверху, то и внизу. Да только без чаши нам туда не заглянуть. Закрылось наше окошко.

– А без чаши нельзя? – с детской верой во всемогущество волхвов спросила Веселка. Ум ее отказывался принять бессилие этих мудрых людей.

Щеката покачал головой, Веверица вообще никак не ответила.

Некоторое время в святилище было тихо: молчали люди, молчал идол Велеса, и маленький огонек перед идолом казался единственным здесь живым существом.

– Нельзя корову завтра водить, – шепнула Веверица, и Веселка не столько услышала, сколько угадала смысл ее бессильного, чуть слышного шепота. – Нельзя... Нет больше нашего счастья...

– Как – нельзя? – возразила Веселка. Ей было страшно так, что казалось, темный свод святилища вот-вот обрушится на нее, но все ее существо упрямо противилось страху и безнадёжности. – Нет, нет! – крикнула она, не замечая, что спорит с ведуньей. – Нет! Ведь ты, батюшка, – она требовательно повернулась к Щекате, – сам говорил, что все, что в Яви делается, на Прави отражается. Надо жить, надо все обряды исполнять, надо жизнь налаживать, тогда она наладится! Надо водить корову, обязательно водить, и песни петь, и жертвы приносить, и нечисть гнать, и верить, что все будет, что все устроится! А если сесть и над обломками заплакать – и то потеряем, что осталось! Надо жить!

Веселка говорила быстро, горячо, захлебываясь словами и сама не зная, откуда их берет. Она плохо понимала себя, но откуда-то в ней было убеждение, что каждое слово – правда. Слезы небывалого волнения сжимали ей горло, мешали говорить и сверкали в глазах, но она все говорила и говорила. Изумленные лица Веверицы и Щекаты придавали ей сил: они были не возмущены, а потрясены, и на их старых усталых лицах появился какой-то отсвет, точно она светила и освещала их.

Но Веселку это не удивляло: все в ней вдруг стало другим, она сама стала другой – внутри себя она ощущала яркий, согревающий, чистый свет. Он плескался в ней, как вода в ключе, он искал выхода наружу. И она видела перед собой что-то небывало прекрасное: темная хоромина исчезла, даже пол под ногами растаял, но и не был нужен. Она парила в потоках густого плотного ветра, стремительного и радостного, что в солнечный весенний день носится по просыпающемуся березняку и колышет тонкие ветви с набухшими почками. Она дышала запахом тающего снега и мокрой земли; все ее существо наполнилось восторгом освобождения от зимнего плена. Та надежда, о которой она так мечтала, засияла перед ней, распахнула ворота к радости, дала золотые крылья, и Веселка летела навстречу воле и свету. Зимняя тьма больше не имела над ней власти, она покинула страх и слабость, как птенец покидает скорлупу. Все в ней было обращено в будущее, где-то в вышине над головой погромыхивал далекий гром. И он так радовал ее, что она бежала ему навстречу – прямо вверх, прямо в небо, и ноги ее были легки, как сам ветер... Ее несло неуклонное движение от темноты к свету, от холода к теплу, движение, которое нельзя ни задержать, ни остановить, потому что оно – часть годового круга, судьба мира.

– Проснись, Перун, восстань из тучи темной, разлей силу твою по облаку, раскати гром гремучий по небеси! – кричала, молила и пела в ней эта пробужденная сила. – Не спи, Воин Небесный, время твое приходит! Я жду тебя, Гром Гремучий, я иду к тебе через солнце красное, через месяц светлый, через звезды частые...

А потом она снова ощутила себя как обычно, и собственное тело вдруг показалось Веселке маленьким, тесным... тесным для чего? Собственная кожа словно бы отделяла ее внутреннюю суть от внешнего мира, и это удивило ее. Сердце колотилось, будто стремилось в те ворота к свету, что раскрывались перед ней вот только что. Но теперь вокруг опять была темная хоромина, впереди – маленький, угасающий костер перед идолом, а возле костра – два человека, сгорбленная старуха и худощавый мужчина с длинной полуседой бородой. Кто это? Где она? Веселка не сразу все это вспомнила. И потрясенные лица Веверицы и Щекаты только сбивали ее с толку: что могло так их поразить?

– Что это? – робко спросила она, точно боялась, не станут ли ее бранить. – Я чего-то такое наговорила?

– Боги через тебя говорили, – негромко ответил Щеката. Он видел, что Веселка пришла в себя... вернее, из нее вышли те силы, которые только что в ней были. – Боги говорили. Мы, глупые, сели слезы лить, а боги нас на ум навели. Значит, мать, сделаем, как велено. – Он обернулся к Веверице. – Корову будем водить, и песни петь, и все прочее. А что чаша твоя... – Он запнулся и помолчал, потому что разбитая чаша оставалась разбитой. – Пока не говори людям. А потом, как все соберутся, скажем, и пусть народ решает...

Веселка опять села на скамеечку. Настроение у нее было какое-то опасливое: она осторожно как бы осматривала себя изнутри, как жилище, где без ведома хозяев побывали чужие, – все ли на месте? Сейчас она уже была прежней, помнила все, даже ссору с Громобоем. Но и те ощущения весеннего ветра, который вдруг стал ее душой, она тоже помнила, и так же ясно. А темнота навалилась и придавила ее сильнее прежнего; не только высокая крыша храма, но и сам небесный свод тяжело навис над ее головой, и она всей кожей ощущала тяжесть всей громады темного воздуха над землей, черной пропасти без тепла и света.

«Что же это такое? – опять, в который уже раз, спрашивала себя Веселка. – С ума я сошла, что ли? Стала блаженной? Вещуньей?» От этой мысли сделалось неуютно: тщеславие Веселки никогда не заходило так далеко, и о славе пророчицы она никогда не мечтала. Даже в голову не приходило. Но, может быть... Ее уже два года по весне выбирали представлять богиню Лелю и доверяли водить корову зимой; уже два года она принимала почести, на самом деле предназначенные богине... Выходит, это не прошло для нее бесследно? А может быть, и выбирали именно ее *не случайно?*

Веселка и побаивалась той силы, что вдруг проснулась в ее душе, и в то же время радовалась. Страх и уныние ушли и не вернутся. Лишь ненадолго ей померещилось, будто движение мироздания остановилось. Оно не может остановиться. Оно – как река, что сквозь любой завал проложит себе дорогу – не прямо, так в обход! В сердце Веселки бил родничок, река мироздания нашла новый путь, и теперь он проходил через ее душу. Сила потока еще так мала, незаметна, о нем знает во всем мире только она одна, но он уже льется, он существует, он живет! У Веселки было удивительное ощущение, будто она сама – драгоценная колыбель, в которой спит будущий расцвет земли.

Глава 3

В последний, двенадцатый, день новогодних праздников Веселку разбудили голоса. Пронзительные и протяжные, они текли неровной волной, догоняя друг друга, и выпевали древнюю песню пробуждения новорожденного солнца:

Из поднебесья жавороночек
Вылетает, вылетает,
Красно солнышко, красно солнышко
Закликает, закликает.
Не довольно ли красну солнышку
Почивать, почивать?
Не пора ли ясны очи
Открывать, открывать?
Не пора ли лицо бело
Умывать, умывать?
Не пора ли златы косы
Расчесать, расчесать?
Не пора ли темны тучи
Проводить, проводить?
Не пора ли чисто поле
Осветить, осветить?
Не пора ли белы снега
Растопить, растопить?
В сине море, в сине море
Укатить, укатить?

Голоса отдавались звоном, стучались в ее тяжелый глубокий сон, а Веселка не могла даже понять, где она, на каком свете. Она знала, что эта песня призывает именно ее, она хотела подняться, но не могла: какая-то душная тяжесть мешала ей открыть глаза, даже проснуться по-настоящему. Было холодно, и себя саму Веселка ощущала застывшей, замороженной, и ей было так страшно от этого чувства, будто оно грозило ей немедленной смертью.

На нее упали какие-то холодные влажные брызги, она разом приподнялась и села на лежанке. Тесная, темная, нетопленная клетушка в глубине Велесовой хоромины наводила на мысль о подземелье. Возле ее лежанки стояла одна из посадских старух, держа в руках чашу с водой, а две другие по сторонам выпевали «пробуждение солнца». Они и правда будили Веселку; сегодня она как бы солнце, которое наконец-то встает, возрожденное, над всем земным миром.

Поспешно выбравшись из-под медвежьей шкуры, Веселка запрыгала на месте, чтобы согреться. Старухи подали ей умыться, усадили, сами расчесали ей косу, украсили голову серебряным венцом и покрыли красным платком. Веселка волновалась, как невеста в день свадьбы. В прошлом году она уже участвовала в этом обряде, но теперь все было иначе. Тогда она радовалась всему этому, как небывалой и значительной игре, а теперь ей казалось, что все это правда. Старухи, их коричневые руки, морщинистые лица, темные платки и черные овчинные безрукавки казались ей тенями подземного мира мертвых, которые умывают новорожденное солнце, чтобы выпустить его наконец-то из подземелья, и Веселка трепетала от каждого их прикосновения. Ей опять, как в первый день нового года, хотелось скорее на воздух, но место прежней беспечной радости заняла решимость, будто ей предстояла борьба. Веселка помнила

все: и страх перед Зимним Зверем, и свое вчерашнее озарение. И после ночи она уже твердо была убеждена: это не случайность и не наваждение. Сами боги указывают ей путь, и путь этот начинается прямо отсюда, из задних помещений Велесова святилища, а уходит далеко, далеко...

Старухи вывели ее во двор, нарядную, как невесту: с цветными лентами и звенящими подвесками в косе, с серебряным венцом под красным платком на голове. Другие девять старух всю ночь сидели в хлеву на заднем дворе святилища, по очереди и хором распевая заговоры возле Матери-Тучи. Для сегодняшнего торжества ее рога были украшены сухими цветами и яркими лентами, увешаны бубенчиками, звеневшими при каждом движении коровы.

Еще не светало, над землей висела ночная тьма, на небе сияла огромная полная луна, и в ее серебристом лике виделось уверенное торжество, точно она почитает себя новым солнцем земного мира и не думает даже уходить на покой. И Веселке подумалось: должно быть, Велесово подземелье, где живут умершие и где солнце проезжает во время земной ночи, выглядит вот так же – темнота и блестящее светило на темном небосводе, которое не в силах осветить эту вечную тьму.

– Ну, Велесе-боже, благослови начинать! – сказала Веверица.

Веселка пристально глянула на нее: ведунья выглядела почти так же бодро, как обычно, только в особом беспокойном проворстве сказывалось вчерашнее потрясение. Никому из старух она не сказала о том, что чаша разбита.

Было холодно, мороз за ночь окреп и пощипывал щеки, снег громко скрипел под ногами. Ведя за собой корову, Веселка вышла со двора святилища. Сзади Мать-Тучу подгоняла Веверица, а следом старухи правили тремя или четырьмя санями, светили факелами.

Стоит вокруг города железный тын,
Да железный тын, верей медные!
Верей медные, кольца булатные!
И чрез тот тын ни зверь не перескочит,
Ни птица не перелетит,
Ни злой недуг не пройдет! —

тонкими и пронзительными голосами запели старухи, давая посадку знать, что начинается последний, важнейший обряд Велесовых дней.

Изо всех дворов посыпал народ; все проснулись и собрались загодя, но раньше условленного знака выходить было нельзя. Вышедшего за двери раньше Матери-Тучи могут унести навьи; помня о Зимнем Звере, в этот год ни одна самая отчаянная голова не посмела сунуть нос наружу. Мужчины и парни собирались в начале каждой улицы с факелами и кнутами, возле них скакали дети и подростки, напялив страшные личины, с рожками и трещотками в руках. Завидев огни, освещавшие девушку с коровой, мужчины кидались вдоль улицы, хлопая кнутами и плетями, криком гнали нечисть, затаившуюся по углам. А следом Веселка вела корову: где прошла Мать-Туча, там не пройдет ни Коровья Смерть, ни Невея-лихорадка со своими сестрами. Женщины выносили из ворот узелки и с поклонами вручали Веверице и ее старушечьей дружине приношения: караваи хлеба, лукошки яиц, горшочки масла и меда, связанных кур и уток, мешочки проса, ржи, гороха. Дети прыгали вокруг священной коровы и выкрикивали:

У нашей-то матки
Телятки-то гладки,
Скачут через грядки!
Как по воду идут —
Так помыкивают!

Как обратно бредут —
Так поигрывают!

А старухи позади тянули свое, семена рядом с санями:

У железного тына, у ворот медных
Стоит Велес-бог, Лесной Пастух!
Он свой медный лук натягивает,
Он железны стрелы накладывает,
Он стреляет да отстреливает
Всяки скорби и болезни...

Старухи нарядились в шубы, вывороченные мехом наружу, иные намазали лица сажей, и дети не узнавали знакомых, взвизгивали от страха, веря, что к ним пришли на праздничное угощение умершие прабабки.

В Кузнечном конце Веселка заметила среди мужчин «медведя»: держа в одной лапе огромную железную сковороду, а в другой колотушку, он без устали гремел, рычал, вертелся, приседал, прыгал – в общем, ломался. Смотреть на него было жутко и весело: любая нечисть испугается!

Он стреляет, приговаривает:
«Ох вы, сестры-лихорадки,
Щипота и Ломота,
Корчиха и Знобиха,
Огневица, Трясовица,
И Неveja, и Коровья Смерть!
Здесь нет вам ни чести, ни места,
Ни поживы, ни покою!» —

широко шагая возле отяжелевших саней, грубым низким голосом выкрикивала бабка Жаравиха – рослая, толстая, сама похожая на мать-тучу. Ее потомство, вместе с детьми и внуками, насчитывало тридцать восемь голов; такая женщина очень даже годится оберегать благополучие города в новом году!

От шума, движения, мелькания огней в утренней полутьме у Веселки кружилась голова. Она выступала впереди неспешно шагающей Матери-Тучи, иногда подсовывала ей кусочек соленого хлеба, смотрела вокруг, и ей казалось, весь мир со всем, что его составляет: огнем и снегом, светом и тьмой, живым и умершим, молодым и старым, человеческим и животным, земным и подземным – все кружится вокруг нее, помогая движению застрявшего годового колеса. Свет пляшущих факелов, рвущий в клочки неподатливую зимнюю тьму, детские прыжки и старушечьи заклятья, хлопанье кнутов и ломанье «медведя», звон бубенцов и крики, оживление народа, собравшегося, чтобы словом и делом заклинать общее благополучие, – во всем этом ей тоже виделась река мироздания, та самая, которую она вчера ощутила в своей душе. И она, Веселка, была сердцем общего порыва, на нее с коровой смотрели как на саму богиню Лелю, издавек несущую в род человеческий здоровье и изобилие. Перед этим порывом ничто не устоит; скоро, скоро поредеет тьма, а потом растают снега, отступят холода, и все беды разлетятся в пыль, освободят роду людскому дорогу к счастью. Она шла, и ее овеивали теплые ветры; они с Матерью-Тучей словно бы пахали поле земли и сеяли весну, которая когда-нибудь взойдет. Ей мерещился свежий дух тающего снега, и она несла его за собой. Казалось, стоит оглянуться – и увидишь позади мокрую оттаявшую землю, зеленеющую траву,

полуоткрытые головки цветов... Хотелось смеяться, но она только улыбалась в ответ на каждый взгляд и казалась такой красивой, что даже старики подталкивали друг друга и что-то говорили, провожая ее глазами. И с каждым из этих взглядов в ней крепло ощущение теплого внутреннего света, она как бы собирала в себе искры человеческих глаз, чтобы нести их, как огонь в священном сосуде, через долгую зимнюю тьму.

Постепенно рассвело; на западе, на лиловом небе, почти свободном от облаков, виднелись темно-розовые полосы и по-прежнему сияла полная, круглая луна, бледная и чуть-чуть зеленоватая, рассылая вокруг себя серебристое сияние. А с другой стороны, на востоке, уже вставало солнце и бросало вверх свои лучи; на розовом поле рассвета лежали густые золотые пятна. Солнце посылало лучи вдогонку за луной, а прямичевцы вертели головами, недоумевая: не так-то часто удается увидеть луну и солнце на небе одновременно. А старухи и старики неодобрительно хмурились: не к добру, если солнцеворот совпадает с полнолунием. И хотя солнцеворот уже миновал, но прибавления дня еще не было заметно, и нынешнее небесное видение показалось всем дурной приметой, даже солнечные лучи, много дней не виденные, не обрадовали. И старухи еще громче пели, призывая Велеса отгонять от города всевозможные несчастья:

И отсылает он их вспять, откуда пришли:
Во мхи, во болота,
На воду студену,
На коренья на сырое,
На дерево на сухое!

Рассвело, но мороз продолжал крепчать. Уже хотелось под крышу, в тепло. Дети прыгали и скакали не только от радости, но и желая согреться; взрослые тоже переступали с ноги на ногу, топтались, толкали друг друга. Разговаривая, прикрывали рты рукавицами, шмыгали покрасневшими носами, выдыхали, пуская изо рта густую и плотную струю пара. По мере того как Мать-Туча и провожавший ее «медведь» обходили все улицы посада и детинца, а Веве-рица со своей старушечьей дружиной собирала положенную празднику дань, людской поток и шум помалу смещались обратно к Ветляне, к Велесову святилищу. Огромное, широкое пламя костра во дворе взвивалось уже вровень с дверями хоромины и было видно издалека, звало, манило, тянуло к себе замерзших, утомленных прямичевцев.

Внутри хоромины тоже былолюдно и тепло, теперь она совсем не напоминала промерзшее, пустое и темное подземное царство, в котором Веселка проснулась сегодня утром. Обе длинные пристройки были освещены костерками, разложенными прямо в углублениях земляного пола, женщины раскладывали по длинным столам разнородные угощения, собранные за утро. Каждый очаг, как наседка цыплятами, был обсажен горшками: красными, бурыми, желтоватыми, серыми и совсем черными, большими и поменьше, и в каждом булькала каша. По хороmine разносился теплый дух вареного гороха и ячменя, везде слышался говор, смех. Точно проснувшись после этих странных праздников, прямичевцы вздохнули легко и свободно.

Двенадцать старух сидели полукругом перед Велесовым идолом. Теперь огонь перед ним горел ярко, освещая идола целиком, и голова бога с двумя изогнутыми по-коровьему рогами, его бородатое лицо с плоским носом и низко опущенными железными веками были хорошо видны. В сложенных на животе руках Велеса был зажат пастушеский посох.

Горят огни калиновы,
Калиновы, малиновы,
Середь огней котлы кипят,
Котлы кипят кипучие, —

пронзительно пели старухи. У подножия идола были сложены пять черных баранов со связанными ногами. Щеката сказал, что нынешние смутные праздники требуют более основательной жертвы. Трех баранов прислал князь Держимир, еще двух в складчину дали детинец и посад. Жертвенный нож Щекаты уже был готов, ждали только князя.

Поставив Мать-Тучу назад в стойло, Веселка вышла назад на вымол, где сейчас веселились дети и молодежь.

Уж как я ли тому горю помогу, помогу,
На дорожке я мосточек намощу, намощу! —

пели где-то неподалеку, рядок нарядных девушек двигался к ряду парней, Веселке махали руками, приглашая к себе. Она закивала: дескать, сейчас иду, – а сама все вертела головой, выискивая «медведя». Даже если он уже снял косматую шкуру, его и так ни с кем не спутаешь! В ней бурлило какое-то беспокойное веселье: было смутное предчувствие чего-то страшного, как если бы она шла по тонкому льду и все время помнила о глубокой ледяной воде у себя под ногами, но от этого ощущения опасности только еще больше хотелось двигаться, кричать, хохотать. А еще хотелось увидеть Громобоя. Вчерашняя ссора уже забылась: это была такая мелочь по сравнению с тем, как переменялась с тех пор сама Веселка! По сравнению с этим гуляньем, широким, как весь белый свет, шумным, огромным...

Мимо нее промчался Солома, неся на плечах мальчишку лет шести, а мальчишка размахивал палкой, тлеющей на конце, выписывал в потемневшем воздухе огненные кольца и восторженно вопил. Заметив эти огненные кольца, Веселка сообразила, что уже почти стемнело. День пролетел – и не заметила. Ее переполняли разом возбуждение и усталость, она задыхалась, но дышать было трудно из-за мороза, и она закашлялась, прикрыв рот рукавицей. Хотелось в тепло, в хоромину, к людям. В последний раз оглянувшись, Веселка повернула к краю вымола, к огню в раскрытых воротах святилища, который был виден издали и тянул к себе. Праздник будет еще долгим, и она еще успеет всех найти и все сказать...

Мальчишка, скакавший на плечах Соломы, внезапно замолчал, а потом завопил вдвое сильнее, но уже не от радости, а от страха. Над заснеженной горой на другом берегу Ветляны, над неподвижным лесом темнота вдруг сгустилась в огромную фигуру, костлявую и изломанную. Какой-то черный провал в темно-синем воздухе зимнего вечера вдруг распахнулся от земли до неба. Две исполинские руки распростерлись, будто хотели обнять вселенную... головы у великана не было...

Резкий холод вдруг пал откуда-то сверху и пронизал до костей; перехватило дыхание, трудно было двинуться. Разом на вымоле смолкли крики и смех. Порыв холодного, леденящего ветра накрыл берег и пригнул пламя костров. Черный безголовый великан надвигался, был все ближе; на него смотрели, не веря своим глазам, не в силах взять в толк, что же это такое. Внутренний порыв толкал бежать, спастись, но ледяной холод сковал руки и ноги, даже кожа на лице казалась оледеневшей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.